

№ 9
1951.

Проверено 1964 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

СПбГУ

9

1 9 5 1

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1951

№ 9

Сентябрь

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. ПРИГОВОР ПОДЛЕЖИТ ОТМЕНЕ, ЕСЛИ ПО ДЕЛУ ОСТАЛИСЬ НЕИССЛЕДОВАННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ. ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ РАССЛЕДОВАНО ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ, ПОМИМО ОБВИНЯЕМОГО, НЕ ИЗБЕЖАЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДРУГИЕ ЛИЦА, ПРИЧАСТНЫЕ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Дело Яшина. Постановление Пленума
от 29 июня 1951 г.*

По приговору линейного суда Амурской ж. д., оставленному в силе определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, Яшин был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Яшин, работавший заведующим складом лесоматериалов Туйского лесоучастка Шимановского леспрома, признан виновным в том, что в мае 1948 года продал представителям завода 25 кубометров шпальной вырезки и 37 кубометров делового горбыля, а вырученные от продажи деньги присвоил.

Как видно из материалов дела, Яшин на суде не отрицал, что отпу-

стил представителю завода Выборному указанный лесоматериал, поверив Выборному в том, что последний представит впоследствии ему соответствующий наряд на получение лесоматериалов. Вместе с тем Яшин показал, что денег он ни от кого не получал и счета никому не выписывал.

Выборной на суде допрошен не был, а других доказательств получения денег Яшиным от Выборного по делу не добыто. Допрошенный на суде единственный свидетель Антипов показал, что о передаче денег Яшину он узнал от Выборного, который представил Антипову счет в сумме 7789 руб.

Против Выборного и Антипова возбуждено уголовное дело по обвинению их в составлении указанного

фиктивного счета, вопрос же о причастности Яшина к составлению этого счета по делу не исследован.

Считая, что при указанных обстоятельствах следует признать дело исследованным не с достаточной полнотой, Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Ге-

нерального Прокурора СССР, постановляет:

Приговор линейного суда Амурской ж. д. и определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР в отношении Яшина отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

2. ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ОШИБОЧНО КВАЛИФИЦИРОВАНО КАК ПОКУПКА ЗАВЕДОМО КРАДЕНОГО

*Дело Иванова. Постановление Пленума
от 29 июня 1951 г.*

(Извлечение)

По приговору народного суда 4-го участка г. Витебска, оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда, Иванов был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Иванов признан виновным в том, что совместно с осужденным по настоящему делу Барановым при перевозке досок со склада Леспромстроя г. Витебска на фабрику «Красный Октябрь» совершил с указанного склада хищение одной автомашины досок, которые совместно с Барановым доставил к себе на квартиру, уплатив Баранову за них 400 руб.

По протесту Председателя Верховного суда БССР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР переквалифицировала преступление Иванова на п. «а» ст. 251 УК БССР (покупка заведомо краденого).

Считая переквалификацию преступления Иванова на п. «а» ст. 251 УК БССР неправильной, Председатель Верховного суда СССР внес протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, которая своим определением протест отклонила. В определении

указано, что Иванов брал сам доски из другого штабеля, а не из того, откуда возились доски на фабрику, что Баранов продавал доски и другим лицам, что Иванов уплатил деньги Баранову за эти доски и поэтому преступление Иванова правильно переквалифицировано на п. «а» ст. 251 УК БССР.

В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что Баранов и Иванов, работая на фабрике «Красный Октябрь» в г. Витебске, были направлены с автомашиной на перевозку досок в количестве 50 кубометров на указанную фабрику со склада. В это время Баранов, являвшийся ответственным за перевозку, предложил грузчику Иванову «купить» у него одну автомашину досок, на что Иванов дал свое согласие. По окончании перевозки указанного количества досок на фабрику Иванов последним рейсом по предложению Баранова с того же склада, откуда перевозились доски на фабрику «Красный Октябрь», погрузил одну машину досками и вывез к себе на квартиру. Из этого количества часть досок продал за 550 руб., а остальные укрыл в принадлежащих ему постройках. За доски Иванов уплатил Баранову 400 руб.

Таким образом, материалами дела установлено, что Иванов принимал непосредственное участие в хищении этих досок со склада. Он сам накладывал доски в складе на автомашину и вывозил совместно с Барановым с этого склада к себе домой.

То обстоятельство, что доски Иванов брал не из того штабеля, откуда грузили для фабрики, а из другого, не имеет значения для квалификации действий Иванова, так как и этот штабель находился на территории того же склада и принадлежал последнему. Продажа Барановым похищенных им досок другим лицам также не влияет на квалификацию действий Иванова, непосредственно участвовавшего в изъятии досок.

Накладывая доски и вывозя их совместно с Барановым к себе домой, Иванов сознавал, что он совместно с Барановым похищает их с государственного склада. Иванов показал, что по предложению Баранова он сам накладывал доски со склада, вывозил совместно с Барановым к себе домой и знал, что это — государственное имущество.

При всех указанных обстоятельствах следует признать, что вина Иванова заключается не в покупке заведомо краденого, а в соучастии в краже. То, что Иванов уплатил Баранову некоторую сумму денег, не освобождает его от ответственности за кражу досок, в которой он принимал непосредственное участие.

3. ОБВИНЕНИЕ ОТВЕРГНУТО, КАК ОСНОВАННОЕ НА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОМ УМОЗАКЛЮЧЕНИИ, НЕ ПОДТВЕРЖДЕННОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

I

*Дело Давыденкова. Постановление Пленума
от 29 июня 1951 г.*

По приговору народного суда 6-го участка Кунцевского района Московской области, оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда, Давыденков был осужден по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Давыденков признан виновным в том, что он совместно с осужденным тем же приговором и по тому же Указу Шишковым на станции Переделкино проник в квартиру Тюрина и, вырвав пробой с замком, похитил баян.

По данному делу Прокурор РСФСР внес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР, полагая необходимым дело в отношении Давыденкова прекратить и в связи с этим переквалифицировать действия Шишкова с ч. 2 на ч. 1 ст. 1

названного Указа. Определением упомянутой Коллегии протест был отклонен.

Аналогичный протест был внесен Генеральным Прокурором СССР в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР. Определением последней действия обоих осужденных были переквалифицированы на ч. 1 ст. 1 названного Указа; предложение же протеста о прекращении дела в отношении Давыденкова было отклонено.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, баян из квартиры Тюрина был похищен Шишковым, который пытался уйти с ним проходными дворами и огородами, но, преследуемый гражданином Грачевым — свидетелем по делу, вынужден был баян бросить.

Шишков показал на суде, что он и Давыденков вошли в дом Тюрина посмотреть, не проживает ли там их знакомая девушка. Двери квартиры были открыты, и пробой с замком они не вырывали. Увидев, что в квартире никого нет, а на столе стоит баян, Шишков взял его и вместе с Давыденковым вышел на улицу. Давыденков ушел от Шишкова по дороге, ведущей на станцию, где он и сел на уходящий поезд, затем туда же в последний вагон сел и Шишков, а по дороге они были задержаны Грачевым и работниками милиции.

Давыденков показал суду, что никаким договоренности между им и Шишковым о хищении баяна не было, что к хищению баяна он не имеет никакого отношения, а когда Шишков взял баян, то Давыденков от него ушел.

Основной свидетель по делу Грачев пояснил суду, что из дома Тюрина первым вышел Давыденков, шел дорогой, а Шишков — полями.

Таким образом, из сопоставления приведенных показаний, не опровергнутых по делу, явствует, что умысел на похищение баяна возник у одного лишь Шишкова, когда он увидел баян на столе, и этот умысел был им реализован самостоятельно, без предварительного сговора с Давыденковым.

Последнее обстоятельство было признано и Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР, переквалифицировавшей действия Давыденкова и Шишкова на

ч. 1 ст. 1 названного Указа от 4 июня 1947 г.

Вывод же Коллегии о том, что Давыденков вышел из дома вместе с Шишковым, а значит, и похитил баян, — не последователен, и к тому же только этот факт не является еще доказательством участия Давыденкова в краже баяна.

Не обосновано утверждение суда и о том, что пробой с замком выдержали Давыденков и Шишков. Оба они показали, что дверь была открыта, не утверждает противоположного и свидетель Грачев.

При наличии указанных выше обстоятельств действия Давыденкова можно было бы расценивать только как недоносительство органам власти о преступлении, совершенном Шишковым. Поскольку, однако, недоносительство о краже личной собственности не является уголовно-наказуемым деянием, уголовная ответственность Давыденкова за недоносительство также исключается.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор народного суда 6-го участка Кунцевского района Московской области, определение Московского областного суда, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР в отношении Давыденкова отменить и дело о нем производством прекратить.

II

Дело Демидовой. Постановление Пленума от 29 июня 1951 г.

По приговору линейного суда Калининской ж. д., оставленному в силе определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, Демидова была осуждена по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Демидова была предана суду по обвинению в том, что, работая в качестве весовщика ст. Шаховская, она за время с 21 по 26 июня совместно с весовщиком Ушаковой, также осужденной по настоящему делу, похитила из вагонов 18,4 кг сахарного песка и спрятала их в багажном сарае станции, часть за тюками багажа, а 11,4 кг — в мешок с веща-

ми, принадлежащими гр-ке Белоусовой.

Линейный суд признал Демидову виновной в том, что она самостоятельно похитила около 12 кг сахарного песка.

Из материалов дела видно, что из вагонов действительно похищался сахарный песок, в частности, весовщицей Ушаковой.

В багажной кладовой ст. Шаховская 27 июня было обнаружено за тюками в сумке примерно 5 кг сахарного песка, а в мешке, в котором хранилось пальто, принадлежащее Белоусовой, обнаружен мешочек с сахарным песком весом в 11,4 кг. Только на том основании, что за три недели до хищения сахара пальто от Белоусовой приняла Демидова, последняя и признана была виновной в хищении.

Между тем установлено, что с 21 июня дежурство по багажной кладовой сдавалось без записи в книге сдачи дежурств и без проверки наличия багажа. Ключи от кладовой находились как у Демидовой, так и у Ушаковой, избличенной в хищении сахарного песка.

Демидова виновной себя не признала, и никто из допрошенных по делу лиц в хищении ее не избличал.

То обстоятельство, что 21 июня Демидова, боясь ответственности за

хранение в кладовой пальто своей подруги Белоусовой, выписала квитанцию на вымышленную фамилию Митраковой, не доказывает факта хищения ею сахарного песка, обнаруженного в мешке, в котором находилось это пальто. По этому поводу Демидова показала, что багажную квитанцию она выписала в связи с тем, что узнала, что на станцию приехали ревизоры, и боялась ответственности за хранение багажа в кладовой без квитанции. Это объяснение Демидовой по делу не опровергнуто.

Ссылка суда на свидетеля Белоусову, которая будто бы подтвердила факт сокрытия похищенного Демидовой сахарного песка в мешке, где находилось ее пальто, не основательна, так как Белоусова такого факта не подтвердила и показала, что она не знает, как в ее пальто попал сахар и кто его туда положил.

Считая по всем изложенным основаниям обвинение Демидовой недоказанным, Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, постановляет:

Приговор линейного суда Калининской ж. д. и определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР в отношении Демидовой отменить и дело о ней за недоказанностью обвинения производством прекратить.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ, СВЯЗАННОЕ С ОБРАЩЕНИЕМ В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, ДОЛЖНО КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ КАК ХИЩЕНИЕ

*Дело Альцева. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 5 мая 1951 г.*

Приговором Верховного суда Туркменской ССР Альцев в числе других лиц осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» со взысканием растраченной суммы — 33 531 руб. и возмещением причиненного совместно с Богдановой (скрывшейся от следствия и суда) ущерба в размере 32 668 руб.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос о переквалификации преступления Альцева со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. на ст. 104 УК Туркменской ССР и о снижении наказания, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Альцев признан виновным в том, что, работая с 27 июля 1947 г. по 27 октября 1949 г. директором Ашхабадской киностудии, злоупотреблял своим служебным положением и присваивал государственные средства.

Преступные действия Альцева, как установил суд, выразились в следующем:

1. В сентябре 1947 г. Альцев без документов получил из кассы киностудии подъемные в связи с переез-

дом из Москвы в Ашхабад 8100 руб., тогда как согласно ст. 32 Кодекса законов о труде ему причиталось 3030 руб. Таким образом, под видом получения подъемных он присвоил 5070 руб.

2. 3 декабря 1947 г. Альцев получил из кассы киностудии 10 000 руб. и перевел эту сумму в Москву на имя старшего администратора киностудии Калинина для покупки в личное пользование автомашины «Москвич». Чтобы скрыть действительное назначение указанной суммы, перевод этих денег он оформил под видом оплаты Калинину постановочных, тогда как Калинин к творческой работе киностудии никакого отношения не имел.

3. 30 декабря 1947 г. с участием бухгалтера киностудии Богдановой, скрывшейся от следствия и суда, вторично перевел на имя Калинина для той же цели еще 10 000 руб. и перевод через банк оформил под видом выплаты Калинину авторского гонорара.

4. В апреле 1948 г., находясь в командировке в г. Ленинграде со съемочной группой, получил из кассы этой группы заработную плату за апрель 1948 г. в сумме 768 руб., а по возвращении в Ашхабад вторично получил эту сумму.

Кроме того, Альцев, злоупотребляя своим служебным положением, санкционировал главному бухгалтеру киностудии Богдановой оплату квартиры за счет киностудии, на что израсходовано 9750 руб., выдал Богдановой 1200 руб. за составление отчета по строительству, в то время как составление отчета входило в прямую обязанность Богдановой, разрешил выплату 25 210 руб. приглашенным со стороны работникам за наведение порядка по учету и отчетности в киностудии, тогда как это обязаны были выполнять работники киностудии, и санкционировал незаконную выдачу командировочных бухгалтеру Богдановой в сумме 1720 руб.

Помимо того, Альцев незаконно получил из подотчетных сумм 225 руб., израсходованных на такси, 275 руб.— на провоз собственного багажа, 960 руб.— на проезд из Москвы в Ленинград по своим личным делам и 371 руб. израсходованных на разных лиц.

В протесте не отрицаются факты незаконного получения государственных средств Альцевым, однако ставится вопрос о переквалификации действий Альцева на ст. 104 УК Туркменской ССР (злоупотребление служебным положением).

Материалами дела установлено, что Альцеву, прибывшему на работу из Москвы, причиталось получить подъемных 3030 руб., а он получил 8100 руб., таким образом переполучил 5070 руб. Объяснение Альцева по этому вопросу явно несостоятельно, так как на получение подъемных в повышенном размере согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г.¹ имеют право работники, отнесенные к определенному перечню специалистов, а Альцев к этой категории лиц не принадлежал.

Следовательно, Альцев, воспользовавшись своим служебным положением, под видом получения подъемных присвоил 5070 руб.

В декабре 1947 года Альцев первоначально получил 10 000 руб. из кассы киностудии на приобретение лично для себя автомашины и переслал эту сумму в Москву Калинин (осужденному по данному делу), а после того как покупка автомашины затянулась, Альцев для ускорения покупки вторично переслал Калинин еще 10 000 руб. Таким образом, Альцев, используя свое служебное положение, взял для себя из киностудии 20 000 руб., причем, чтобы завуалировать присвоение денег, он указанную сумму переслал Калинин под видом выплаты ему авторского гонорара и за творческую работу.

Указанные действия Альцева Верховный суд Туркменской ССР правильно расценил как злоупотребление служебным положением, связанное с присвоением государственных средств в крупных размерах.

Повторное получение Альцевым в апреле 1948 года зарплаты в сумме 768 руб., а также получение из подотчетных сумм за время нахождения в командировке сумм, как-то: 1417 руб., 225 руб., 275 руб., 960 руб. и 371 руб.,— также правильно расценено как присвоение, поскольку Альцев эти суммы обратил в свою пользу из полученных подотчетных сумм.

Другие эпизоды обвинения Альцева, связанные с разбазариванием государственных средств, т. е. 1) оплата за счет киностудии квартиры гл. бухгалтера Богдановой, на что израсходовано 9750 руб., 2) выплата Богдановой не положенных ей по праву 1200 руб. за составление отчета по строительству, 3) выплата 25 210 руб. за подготовку учета и отчетности киностудии лицам, приглашенным со стороны, при наличии штатных работников киностудии, 4) незаконная выплата Богдановой командировочных в сумме 1720 руб.,— Верховный суд Туркменской ССР расценил как злоупотребление служебным положением.

Таким образом, независимо от указанных пунктов обвинения, ква-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1940 г. № 42.

лификацию преступления Альцева Верховный суд Туркменской ССР определил по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», исходя из систематического злоупотребления служебным положением Альцева, в результате чего им присвоены государственные средства в крупном размере. Из этого следует, что преступление Альцева квалифицировано правильно. Сумма присвоенных Альцевым средств составляет 29 086 руб. В этом размере и подлежит удовлетворению гражданский иск.

Присуждение же с Альцева еще 32 668 руб. в возмещение ущерба, якобы причиненного совместно со скрывшейся от следствия и суда Богдановой, нельзя признать обоснованным, поскольку дело о Богда-

новой выделено в отдельное производство и судом не рассматривалось.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не находит оснований к удовлетворению протеста, а потому определила:

Протест Генерального Прокурора СССР в части переквалификации преступления Альцева со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 104 УК Туркменской ССР отклонить. Приговор Верховного суда Туркменской ССР в отношении Альцева в части гражданского иска изменить, снизив присуждение с Альцева суммы гражданского иска с 33 531 руб. до 29 086 руб., и взыскание 32 668 руб. из приговора исключить.

2. СУД, УСТАНОВИВ, ЧТО В ДЕЛЕ ИМЕЮТСЯ СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРОБЕЛЫ, ДОПУЩЕННЫЕ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, КОТОРЫЕ ВОСПОЛНИТЬ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ НЕВОЗМОЖНО, ОБЯЗАН МОТИВИРОВАННЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ОБРАТИТЬ ДЕЛО К ДОСЛЕДОВАНИЮ

Дело Семенова и др. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 18 апреля 1951 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменено определение Ленинградского городского суда о направлении дела на исследование в отношении Семенова, Брок-Пронина и Иевлевой, обвиняемых по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и направлении дела прокурору г. Ленинграда для выполнения определения Ленинградского городского суда, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Семенов привлекается к ответственности за то, что, работая директором овощной базы Пушкинского торгового пункта с 1946 по 1949 гг., весной 1948 года присвоил два кубометра дров, а в 1949 году присвоил чугунную ванну. В 1948 году Семенов, закупив для базы в «Укргорторгплодоовощ» лук, при приемке указал заниженное количество, чем пытался нанести ущерб торгующим организациям. Кроме того, Семенов производил незаконную торговлю луком на рынке в г. Колпино, а в накладных отмечал о продаже лука через магазин.

В апреле Семенов отправил незаконно партию лука в колхоз «Пыхарь» Павловского района. С целью сокрытия недостачи овощей по складу он составил восемь фиктивных актов на вывозку отходов овощей в количестве 61 т.

Брок-Пронин привлекается к ответственности за то, что, работая кладовщиком овощной базы Пушкинского торгового пункта с августа 1948 года по июль 1949 года, систематически злоупотреблял своим служебным положением и расхищал вверенные ему материальные ценности, в результате чего у него на складе образовалась недостача овощей и картофеля на сумму 95 879 р. 85 к. С целью сокрытия этой недостачи по сговору с Семеновым организовал составление 8 фиктивных актов на вывозку на свалку отходов картофеля. Кроме того, по сговору с Семеновым же, организовал продажу лука в г. Колпино без надлежащего документального оформления, а деньги от реализации лука оба присвоили. Совместно с Семеновым без документального оформления отпустил незаконно лук в колхоз «Пахарь» Павловского района.

Иевлева привлекается к ответственности за то, что, работая товароведом Пушкинского торгового пункта, по сговору с Семеновым выписала 8 фиктивных актов на списание 61 т картофеля в целях сокрытия хищения.

Ленинградский городской суд, рассматривая дело в судебном заседании, принимал меры к тому, чтобы восполнить недостатки предварительного следствия, но к концу судебного следствия пришел к выводу о недоследовании дела и по ходатайству прокурора, участвовавшего в процессе в качестве государственного обвинителя, направил дело на доследование.

В своем определении суд выдвинул весьма существенные мотивы доследования, без выяснения кото-

рых нельзя сделать вывод о виновности или невинности обвиняемых.

Ссылка Верховного суда РСФСР в определении о том, что в судебном заседании детально исследованы вопросы, касающиеся ваны, дров и составления актов на списание картофеля, и что если суду требовалось вызвать дополнительных свидетелей, он мог это сделать, не возвращая дело на доследование, — является неосновательной: в судебном заседании суд не мог проверить вопросы, связанные с отпуском дров с лесозаготовительного склада, так как по данному эпизоду необходима проверка первичных документов; необходима также проверка восьми актов на вывозку овощей, поскольку подсудимые оспаривают фиктивность этих актов.

Кроме того, при наличии в деле заявлений, опорачивающих данные предварительного следствия, весьма не убедительна ссылка Верховного суда РСФСР на безмотивность изменений свидетелями своих показаний в суде. Причины, вызвавшие эти изменения, требуют тщательной проверки и дополнительных следственных действий.

Судебная коллегия, соглашаясь с доводами, изложенными в протесте Генерального прокурора СССР, и находя определение Ленинградского областного суда правильным, определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Семенова, Брок-Пронина и Иевлевой отменить, оставить в силе определение Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда.

3. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ, СОДЕРЖАЩИХ ПРОТИВОРЕЧИЯ, НЕ УСТРАНЕННЫЕ ПО ДЕЛУ

Дело Битика и Падерина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 23 мая 1951 г.

По приговору народного суда 2-го участка Ворошиловского района г. Баку осуждены: Битик по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уго-

ловной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и Падерин по ч. 1 ст. 146 УК АзССР.

Определением Судебной коллегии

по уголовным делам Верховного суда АзССР приговор народного суда оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора суда и определения Верховного суда АзССР в отношении Битика и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Битик признан виновным в том, что он, работая десятником стройконторы № 4 Ворошиловского района г. Баку, воспользовавшись отсутствием зав. строительным складом Падерина, без его ведома 28 апреля 1949 г. взял со склада лес-кругляк длиной 4,5 м в количестве 10 штук и отвез в дом № 30 по ул. Мамадырова, где и спрятал его в разных местах в целях последующей реализации.

Падерин признан виновным в том, что, работая зав. строительным складом стройконторы № 4, преступно-халатно относился к выполнению своих служебных обязанностей, систематически отпуская со склада материалы без фактуры и накладных, чем создал условия для получения Битиком 28 апреля 1949 г. стройматериала.

Приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда АзССР подлежат отмене по следующим основаниям:

В своих объяснениях суду Битик указал, что в связи с предстоящим ремонтом дома № 1 по ул. Мамадырова он 28 апреля 1949 г. явился на склад стройконторы № 4 для получения леса-кругляка, ранее недополученного им по требованию № 451 от 19 апреля 1949 г. В связи с отсутствием зав. складом Падерина лес в количестве 10 штук кругляка он, Битик, взял у вахтера Бойковой, которой оставил на имя Падерина записку следующего содержания: «Тов. Падерин, я сегодня забрал 10 штук кругляка, за тобой остается еще 4 штуки».

Затем он с участием рабочих — шофера Дмитриева, плотника Рекуна, Суздальцевой и др. — на автомашине этот лес перебросил на Мамадыровскую улицу, но поскольку дом № 1, который подлежал ремонту, не имел двора, то он, Битик, с целью предотвращения хищения леса оставил эти бревна в домах №№ 24 и 30 по той же улице и предупредил плотника Рекуна и рабочего Герасимова о необходимости утром 29 апреля 1949 г. перебросить лес к дому № 1 по Мамадыровской улице.

Допрошенные органами предварительного следствия свидетели Герасимов и Рекун полностью подтвердили показания Битика, причем Рекун показал, что 29 апреля 1949 г. он лично перебросил часть бревен к строительному объекту дома № 1 по Мамадыровской улице.

Показания свидетелей Герасимова и Рекуна судом в судебном заседании не были проверены, тогда как их показания имеют существенное значение для решения вопроса о виновности Битика в попытке хищения леса.

Объяснения Битика об обстоятельствах получения леса со склада подтвердили свидетели Дмитриев, Суздальцева и Бойкова, а свидетель Абасов показал, что Битик попросил его положить во двор дома № 30 лес на временное хранение, и этот же лес он, Абасов, по личной инициативе спрятал в подвал.

Зав. складом Падерин также полностью подтвердил показания Битика о том, что он ему должен был 2 кубометра леса, и вывоз десяти бревен Битиком из склада он считает правильным.

Эти показания Падерина объективно подтверждены тем, что при ревизии у последнего не было обнаружено никакой недостачи леса.

Суд обосновал обвинительный приговор на том основании, что по показаниям свидетелей Велиева и Ельцева дом № 1 по Мамадыровской улице не должен был ремонтироваться, о чем свидетелем Велие-

вым, как начальником стройконторы, представлена справка.

Однако этот вопрос судом с достаточной полнотой не проверен и не устранены противоречия в показаниях Велиева и свидетеля—гл. инженера жилуправления Мамедова, который показал, что дом № 1 по ул. Мамадырова входил в титульный список и в нем должны были производиться ремонтные работы. Суду в этом случае надлежало потребовать представления титульного списка для обозрения.

Суд, констатируя в приговоре, что Битик 28 апреля 1949 г. лес со склада взял в отсутствие Падерина и без его ведома, совершенно необоснованно признал Падерина виновным в халатном отношении к выполнению служебных обязанностей.

Материалами судебного следствия установлено, что Падерин обслуживал три склада, что в отдельных случаях при срочности работ вынужден был отпускать лес с последующим оформлением. Эти обстоятельства подтвердили свидетели Велиев и Ельцев.

4. ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ОДНОГО ИЗ ПОДСУДИМЫХ ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ПУТАНЫХ И ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ СООБВИНЯЕМЫХ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ИСХОДЕ ДЕЛА И НАХОДИВШИХСЯ В НЕПРИЯЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ПОДСУДИМЫМ

Дело Дегтярева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 6 июня 1951 г.

По приговору Одесского областного суда Дегтярев в числе других был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Дегтярев признан виновным в том, что он, работая с июля 1944 года по 30 августа 1948 года управляющим Одесским банно-прачечным трестом, вошел в преступную связь с заведующей и кассирами бани, осужденными по данному делу, которым дал указание о повторной продаже ранее использованных билетов на посещение бани и об обращении вырученных от этой операции денег в личное пользование.

Недостачи по складу, которым заведывал Падерин, не обнаружено, а за получение леса Битиком без соответствующего оформления, без ведома Падерина и в его отсутствие Падерин уголовную ответственность нести не может, так как в его действиях отсутствует состав преступления.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Ворошиловского района г. Баку и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Падерина отменить и дело дальнейшим производством в уголовном порядке прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Приговор и определение в отношении Битика отменить и дело в отношении его направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в другой участок народного суда через Верховный суд Азербайджанской ССР.

В приговоре не указано, какую сумму денег присвоил Дегтярев. Однако суд отметил, что вырученные таким путем деньги делились между участниками и часть из них расходовалась на нужды треста.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия нашла, что приговор и определение в отношении Дегтярева подлежат отмене по следующим основаниям:

Дегтярев на предварительном и судебном следствии не признал себя виновным и утверждал, что ни в каком преступном сговоре с осужденными по данному делу Бурле, Колоколовой, Львовской и Райко не состоял.

Из материалов дела видно, что все обвинение против Дегтярева было построено на одних лишь путаных и противоречивых показаниях указанных лиц.

Райко (бывшая заведующая баней) при первом допросе ее на предварительном следствии, отрицая свою вину, утверждала, что она никаких денег Дегтяреву от продажи билетов не передавала.

При последнем допросе она изменила эти показания и стала давать уличающие показания против Дегтярева, причем заявила, что Дегтярев ей лично предложил приносить деньги в трест и не передавать их через других лиц. В судебном же заседании Райко и от этих показаний отказалась и стала утверждать, что Дегтярев не говорил ей, чтобы она приносила ему деньги от продажи использованных билетов.

Установлено, что приказами по тресту за нарушение своих служебных обязанностей на Райко неоднократно налагались взыскания. Так, одним приказом она была переведена на другую работу с понижением в должности, вторым приказом Дегтярев объявил ей строгий выговор с предупреждением за грубое нарушение правил по продаже билетов, и, наконец, третьим приказом по тресту Райко было поставлено на вид.

Осужденная Колоколова (бывший кассир бани) в одном из своих показаний утверждала, что ей Райко сказала, кому именно надо давать деньги, вырученные от повторной продажи билетов, позже она показала, что Дегтярев якобы сам требовал от нее деньги, а затем изменила и эти показания и заявила, что ей Дегтярев никаких указаний о деньгах не давал, а об этом она слышала лишь от других кассиров.

Установлено также, что, как и Райко, Колоколова с Дегтяревым имеет неприязненные отношения, так как последний отказал ей в выдаче путевки для лечения; в разрешение между ними этого конфликта вмешивался Проценко, о чем он подтвердил в судебном заседании.

В такой же мере неполноценными доказательствами являются и показания осужденной Львовской, которая заявила, что о передаче денег Дегтяреву ей дала указание Райко. Однако последняя это обстоятельство категорически отрицает. К тому же из дела видно, что Львовская конфликтовала с трестом по трудовому делу и была восстановлена на работу лишь через суд, а приказом Дегтярева она была понижена в должности.

Путаные и противоречивые показания в отношении Дегтярева дала и осужденная Бурле.

При изложенных обстоятельствах областной суд необоснованно построил свой обвинительный приговор против Дегтярева на путаных и противоречивых показаниях указанных осужденных, тем более, что их показания не подтверждены по делу другими, более объективными доказательствами. Так, никто из свидетелей, проходивших по делу, не уличал Дегтярева в предъявленном ему обвинении.

Руководством отдела коммунального хозяйства Одесского райисполкома по работе Дегтярев характеризуется исключительно положительно.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Одесского областного суда и определение Верховного суда СССР в отношении Дегтярева отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить.

5. НЕОБОСНОВАННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СИМУЛЯЦИИ КРАЖИ

Дело Мещерова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 13 июня 1951 г.

По приговору народного суда Пурдошанского района Мордовской АССР Мещеров осужден по ст. 4

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хище-

ние государственного и общественного имущества» со взысканием 23 883 руб.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Мордовской АССР приговор оставлен в силе.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР отклонен протест Прокурора РСФСР о переквалификации действий Мещерова со ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. на ст. 111 УК РСФСР.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Мещеров признан виновным в том, что он, будучи продавцом в анчеевском сельском магазине Больше-Уркатского сельпо, растратил кооперативных ценностей на 23 883 руб. и с целью сокрытия совершенной им растраты в ночь на 24 января 1949 г. симулировал хищение товаров из магазина неизвестными лицами.

В обоснование обвинения Мещерова в растрате кооперативных материальных ценностей на 23 883 руб. и симуляции хищения товаров из магазина неизвестными лицами народный суд ссылается в приговоре на то, что Мещеров после сделанного им заявления о хищении товаров из магазина не мог точно указать, на какую сумму, по его мнению, было похищено товаров из магазина, и на то, что при осмотре помещения магазина не было обнаружено на месте следов хищения товаров, взлома замка, которым закрывался магазин, каких-нибудь посторонних предметов и следов от саней, салазков или от какого-нибудь транспорта, на котором мог быть увезен похищенный товар из магазина.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР мотивировала отклонение протеста Прокурора РСФСР о переквалификации действий Мещерова со ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. на

ст. 111 УК РСФСР в основном теми же соображениями, которые были положены судом в обоснование обвинения Мещерова в растрате кооперативных материальных средств и симуляции им кражи товаров из магазина.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, считает приведенные судом доводы в обоснование вины Мещерова в растрате кооперативных материальных средств и симуляции им кражи товаров из магазина несостоятельными.

Из показаний свидетелей Постниковой — председателя ревизионной комиссии сельпо и Белова — инструктора-ревизора райпотребсоюза видно, что в магазине, в котором работал Мещеров продавцом, ревизии производились ежемесячно. В частности, последняя ревизия в магазине была произведена 3 января 1949 г. Никаких недостатков материальных ценностей ревизионные комиссии у Мещерова не обнаруживали.

Такое обстоятельство, как отсутствие внешних следов взлома замка на дверях магазина, само по себе не достаточно для того, чтобы отрицать возможность факта хищения товаров из магазина, так как замок мог быть не сломан, а открыт путем подбора ключей, а такая возможность открытия замка не проверена по делу.

Ссылка суда на то, что при осмотре помещения магазина в нем не были обнаружены посторонние предметы, не соответствует действительности. Свидетель Алямкин — председатель Больше-Уркатского сельпо — показал в судебном заседании, что при осмотре помещения магазина в нем были обнаружены обгорелые спички и две пустые бутылки из-под вина.

Из показаний допрошенных по делу свидетелей видно, что в ночь на 24 января 1949 г. в местности расположения магазина была гололедица. Таким образом, ссылка суда на отсутствие следов транспорта около

магазина как на свидетельство хищения товаров из магазина не убедительна.

То, что Мещеров после сделанного им заявления о хищении товаров из магазина не мог сказать, на какую именно сумму похищено товаров, также не может служить опровержением возможности самого факта хищения товаров из магазина, так как он до проверки оставшегося наличия товаров и не мог знать, на какую именно сумму похищено товаров.

По делу установлено, что сторож, охранявший магазин, в ночь на 24 января 1949 г. ушел домой и магазин оставался на всю ночь без охраны.

Таким образом, как правильно указывается в протесте, исходя из всех этих обстоятельств дела, признать выводы суда, что недостача в акчевском сельском магазине материальных ценностей на 23 883 руб. явилась следствием растраты их Мещеровым, обоснованными нельзя.

По делу установлено то, что Мещеров, оставляя в магазине в ночь

на 24 января 1949 г. большое количество товаров в упакованном виде, приготовленных к перевозке для продажи их на рынке, не принял мер к усиленной охране магазина в эту ночь, закрыл магазин на один замок, когда ранее закрывал магазин на два замка. Эти действия Мещерова составляют преступление, предусмотренное ст. 111 УК РСФСР.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Протест Генерального Прокурора СССР удовлетворить, приговор народного суда Пурдошанского района Мордовской АССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Мещерова изменить, действия его переквалифицировать со ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 111 УК РСФСР, приговор в части взыскания с Мещерова 23 883 руб. в возмещение причиненного им ущерба оставить без изменений.

6. НЕОБОСНОВАННОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗА ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ПРИ НАЛИЧИИ ЛИШЬ ХАЛАТНОГО ОТНОШЕНИЯ К СВОИМ ОБЯЗАННОСТЯМ

Дело Буданова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 27 июня 1951 г.

Приговором народного суда 3-го участка Канавинского района г. Горького Буданов осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Горьковского областного суда приговор по делу Буданова оставлен в силе.

Народный суд признал Буданова виновным в том, что, работая заведующим ларьком Канавинского пищевого магазина, он совершил преступление, предусмотренное ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от

4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

На приговор и определение областного суда Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором ставился вопрос об изменении квалификации действий Буданова со ст. 4 Указа на ст. 111 УК.

Приговором установлено, что с 3 мая по 14 июня 1948 г. Буданов болел и обслуживаемый им ларек был закрыт. 18 мая 1948 г. комиссией, созданной Канавинским райпищевым магазином, ларек в отсутствие Буданова был вскрыт и в нем было произведено снятие остатков. Вы-

явлена недостача товаров на 5784 руб., о чем был поставлен в известность Буданов. После выздоровления Буданов выехал вместе со своей семьей из г. Горького в г. Каменск-Уральск, Свердловской области, где и проживал до задержания его 18 апреля 1949 г.

Эти действия Буданова квалифицированы судом по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

По делу установлено, что Буданов действительно был болен и находился в больнице. Снятие остатков товаров в ларьке производилось в отсутствие его. Во время нахождения на излечении в больнице он был уволен с работы, о чем был поставлен в известность.

Каких-либо данных, подтверждающих, что выявленная у Буданова недостача товаров на 5784 руб. имела место вследствие присвоения Будановым товаро-материальных ценностей, по делу не установлено. На вопросе о причине недостачи суд в приговоре не остановился, огра-

ничившись лишь ссылкой на то, что он считает предъявленное обвинение Буданову по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» доказанным.

По материалам дела Буданова можно считать виновным только в том, что, зная о предстоящем уходе на лечение в больницу, он не поставил вопроса перед руководством райпищеторга о принятии у него материальных ценностей и не принял мер к обеспечению сохранности вверенных ему материальных ценностей. Эти действия предусмотрены ст. 111 УК РСФСР.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 3-го участка Канавинского района г. Горького и определение Судебной коллегии по уголовным делам Горьковского областного суда по делу Буданова изменить, переквалифицировать его действия со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. на ст. 111 УК РСФСР.

7. СОЗНАТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОЛХОЗА УСТАВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛИ СОДЕРЖИТ ПРИЗНАКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ, А НЕ ХАЛАТНОСТИ

Дело Кузиева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 11 апреля 1951 г.

По приговору Андижанского областного суда Кузиев был осужден по ч. 1 ст. 140 УК Узбекской ССР (злоупотребление служебным положением).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Узбекской ССР действия Кузиева были переквалифицированы на ч. 1 ст. 143 УК Узбекской ССР (халатность).

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия нашла, что определение Верховного суда Узбекской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Кузиев признан виновным в том, что он, работая председателем

правления колхоза имени Кирова Сталинского района Андижанской области и злоупотребляя своим служебным положением, систематически занимался разбазариванием колхозной земли, чем нарушал Устав сельхозартели и постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г.¹

Так, в 1949 году Кузиев без разрешения общего собрания колхозников выделил 2 га земли для посева шашлы двум частным гражданам, не являющимся членами колхоза, которые обещали снять с гектара по 2 т. шашлы; за эту работу

¹ СП СССР 1946 г. № 13, ст. 254.

Кузиев выдал им 550 кг пшеницы и 0,30 га земли для личного посева.

В 1950 году также без разрешения общего собрания колхозников выделил для посева шашлы 12,5 га земли 15 гражданам, не являющимся членами колхоза, которые обещали собрать с каждого гектара по 400 кг шашлы. За выполнение этой работы Кузиев обещал им начислить 1744 трудодня. Колхоз своим инвентарем обработал посевную площадь и полностью обеспечил ее семенами. Кроме того, Кузиев грубо нарушил принципы демократии, предусмотренные Примерным уставом сельхозартели; во избежание ответственности он вышеуказанных граждан, которые по существу работали в колхозе по найму, без решения общего собрания колхозников оформил членами колхоза.

Верховный суд Узбекской ССР, признав все указанные действия доказанными, неосновательно перекалифицировал преступление Кузиева со ст. 140 на ст. 143 УК Узбекской ССР, поскольку Кузиеву инкриминируется сознательное грубое нарушение Устава сельхозартели, допущенное им в связи со своим служебным положением — председателем колхоза.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Узбекской ССР в отношении Кузиева отменить и дело направить на новое кассационное рассмотрение в тот же Верховный суд в ином составе судей.

8. ОБВИНЕНИЕ В ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНО ДОКАЗАННЫМ, ЕСЛИ ОНО ОСНОВАНО ТОЛЬКО НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ ЛИЦА, ПРИЗНАВШЕГО ФАКТ ДАЧИ ВЗЯТКИ

Дело Минц. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 6 июня 1951 г.

По приговору народного суда 3-го участка Сталинского района г. Харькова Минц осуждена по ч. 2 ст. 105 УК УССР.

Харьковский областной суд приговор оставил в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения и передаче дела на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Минц признана виновной в том, что она, работая в 1947 году старшим инспектором квартирного сектора Сталинского райсовета г. Харькова, за содействие, оказанное Басовой в открытии лицевого счета на занимаемую ею комнату, получила от последней взятку в сумме 500 руб.

Приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что поводом для возбуждения настоящего дела против Минц послужило заявление Басовой на имя прокурора Сталинского района г. Харькова о том, что она за указанное содействие была вынуждена дать взятку обвиняемой Минц.

Это заявление Басовой было датировано 12 мая 1949 г., сама же дача взятки, по словам Басовой, имела место в июле 1947 года. Таким образом, между обстоятельствами, о которых сообщалось в заявлении, и подачей самого заявления прошло около двух лет. Такой ничем не оправданный длительный срок должен был привлечь внимание органов следствия и суда. Однако ни органы следствия, ни суд не придали этому факту должного значения и не исследовали его с необходимой тщательностью. Сама же Минц вину свою категорически от-

рицает и заявляет, что Басова ее оговаривает.

Самые показания Басовой путаны и противоречивы. Так, Басова на первых допросах заявила, что она дала деньги Минц за то, что последняя ходатайствовала перед райисполкомом о выдаче ей ордера на комнату. При допросе Басовой при рассмотрении дела в первый раз в суде она заявила, что не знает, зачем ею были даны деньги Минц.

Между тем органы расследования и суд не только не обратили должного внимания на эти противоречия, но даже не делали попыток установить, какое же отношение имела Минц к открытию лицевого счета на комнату, уже закрепленную за Басовой решением исполкома райсовета, тем более, что свидетельница Гормаш в суде заявила, что Минц к этому никакого отношения не имела.

Кроме того, Минц, как это видно из дела, неоднократно возбуждала ходатайство о допросе заместителя председателя исполкома Скрипника, разрешавшего все вопросы, связанные с предоставлением комнаты Басовой. Однако эта просьба Минц удовлетворена не была.

Помимо этого, необходимо всесторонне проверить взаимоотношения между Минц и Басовой, так как из показаний свидетельницы Гормаш усматривается, что между ними существуют неприязненные отношения и поэтому не исключена возможность оговора Басовой обвиняемой Минц.

Не понятно, почему органы следствия, признавая Басову за то ли-

цо, которое вручило взятку Минц, не привлекли ее к уголовной ответственности по ст. 106 УК УССР. Постановление по этому вопросу следователя о том, что Басова якобы вынужденно дала взятку Минц, так как последняя у нее ее вымогала, является необоснованным и не находит своего подтверждения в материалах дела.

Поэтому и эти обстоятельства нуждаются в дополнительной проверке.

Кроме того, в судебном заседании Минц поставила в известность суд о допущенном следственными органами нарушении закона, которое выразилось в том, что ей в процессе расследования было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 105 УК УССР, а в судебном заседании ей стало известно, что она обвиняется по ч. 2 ст. 105 УК УССР. Однако суд эти весьма важные обстоятельства не проверил, хотя в деле имеется постановление следователя об изъятии документов из квартирного отдела райисполкома, из которого видно, что Минц обвиняется не по ч. 2, а по ч. 1 ст. 105 УК УССР.

При изложенных выше обстоятельствах Судебная коллегия считает, что приговор в отношении Минц не может быть оставлен в силе, а само дело подлежит дополнительному расследованию, и потому, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда Сталинского района г. Харькова и определение Харьковского областного суда в отношении Минц отменить и дело в отношении ее передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

9. КРАЖА ПРЕДПОЛАГАЕТ УМЫСЕЛ НА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Дело Туразова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 20 июня 1951 г.

Приговором народного суда 2-го участка Кировского района г. Тбилиси Туразов осужден по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об

усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Верховного Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Туразов признан виновным в том, что 1 февраля 1950 г., будучи у гражданки Ларионовой, украл у нее лежащие на столе золотые дамские часы.

На приговор и определение Верховного суда Грузинской ССР Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором ставит вопрос об отмене приговора и определения за недоказанностью обвинения и о прекращении дела.

Рассмотрев дело, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Туразов на предварительном и на судебном следствии не признал себя виновным и объяснил, что он за несколько месяцев до происшедшего познакомился с Ларионовой и бывал у нее дома. 1 февраля 1950 г. он пришел к ней в нетрезвом состоянии, надел на руку ее золотые часы и, уходя, забыл их снять.

Придя домой, он лег спать. На второй день пришла к нему на работу Ларионова и спросила, не он ли взял ее золотые часы. Он сразу же ответил, что часы им взяты случайно, повез ее на автомашине домой и отдал часы.

Ларионова подтвердила, что Туразов к ней приходил по делу. Их знакомство и встречи подтвердили на суде свидетели Александян и Кабачишвили. Теща Туразова Джанштенова и жена его показали, что Туразов 1 февраля 1950 г. пришел вечером пьяный и заснул. На руке

у него были часы. Чтобы часы не разбились, теща сняла их с руки Туразова.

Ларионова показала, что на второй день утром после происшедшего она пошла на место работы Туразова и спросила, не он ли взял ее часы. Последний сразу же ответил, что он взял часы, отвез ее к себе домой на автомашине и вернул часы.

По поводу самого происшествия Ларионова показала: «Я не могу сказать, что часы украл Туразов, так как не считала его вором». «Если бы Туразов украл часы, он мог бы сказать, что не брал их. На столе лежали более ценные вещи, но Туразов их не взял».

Из приведенных выше обстоятельств видно, что умысла у Туразова присвоить часы Ларионовой по делу не установлено. Один же факт взятия часов без установления умысла обратить их в свою собственность не дает основания для квалификации действий Туразова как хищения.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Кировского района г. Тбилиси и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Туразова отменить и дело производством прекратить за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

10. ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР ПОДЛЕЖИТ ОТМЕНЕ, ЕСЛИ В НЕМ НЕ СОДЕРЖИТСЯ ДАННЫХ, ОПРОВЕРГАЮЩИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЗАЩИТЫ

Дело Исмиханова и Шикарова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 13 июня 1951 г.

По приговору народного суда 1-го участка Кишлинского района АзССР Исмиханов и Шикаров осуждены по ч. 1 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного су-

да АзССР приговор народного суда оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения и прекращении дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Исмиханов и Шикаров признаны виновными в том, что они вместе с двумя не установленными следствием соучастниками в 3 часа ночи на 12 сентября 1950 г. с целью ограбления проникли через окно в квартиру Асирбабаяна. Исмиханов и Шикаров, угрожая оружием, приказали Асирбабаяну и его жене Григорян молчать. В это время двое других грабителей начали собирать вещи. Когда грабители открыли шкаф, Григорян подняла крик, вследствие чего грабители с частью награбленных вещей бежали.

Приговор народного суда и определение Верховного суда АзССР подлежат отмене по следующим основаниям:

Исмиханов и Шикаров на всем протяжении предварительного и судебного следствия не признавали себя виновными. Исмиханов показал, что в ночь с 10 на 11 сентября 1950 г. он работал на заводе в ночную смену и, будучи больным, возвращаясь с ночной смены, зашел по дороге к своему товарищу Каграманову, где и пролежал до 8 час. вечера 11 сентября 1950 г. В 8 час. вечера ушел домой и всю ночь оставался дома, так как чувствовал себя нездоровым. Кроме родителей, с ним в комнате ночевал Салахов.

Эти показания Исмиханова полностью подтвердили Каграманов и Салахов.

Шикаров показал, что 11 сентября 1950 г. он был в гостях у своего товарища Сафиева в связи с проездом к Сафиеву его матери, что он, Шикаров, засиделся у Сафиева до позднего времени и когда пошел к автобусной остановке, чтобы поехать домой, то оказалось, что автобус уже не ходит. Тогда он, Шикаров, вернулся и ночевал у Сафиева.

Эти показания Шикарова полностью подтверждены свидетелем Сафиевым, а также Ахмедовым, Арутюновым и Садыховым, которые также 11 сентября 1950 г. заходили к Сафиеву и которые подтвердили суду, что Шикаров ночевал у Са-

фиева в ночь с 11 на 12 сентября 1950 г.

Несмотря на то, что алиби осужденных Исмиханова и Шикарова свидетельскими показаниями было подтверждено и судом не было добыто каких-либо доказательств того, что свидетели Каграманов, Салахов, Сафиев, Арутюнов, Ахмедов и Садыхов заинтересованы в исходе дела и дали суду ложные показания, суд признал, что показания этих свидетелей не заслуживают доверия только потому, что их показания противоречат показаниям потерпевших Асирбабаяна и его жены Григорян, опознавших Исмиханова и Шикарова за лиц, участвовавших в ограблении.

Осужденные и потерпевшие жили по соседству в одном поселке. Исмиханов жил в корпусе № 16, Шикаров — в корпусе № 15, а потерпевшие — в корпусе № 10. На второй день после ограбления, 13 сентября 1950 г., около 5 час. вечера Исмиханов, по указанию потерпевшего Асирбабаяна, был работником милиции задержан возле своего дома, а Шикаров — возле автобусной остановки. В тот же день, 13 сентября 1950 г., Исмиханов и Шикаров в числе пяти человек были предъявлены для опознания одновременно Асирбабаяну и Григорян. Оба опознали Исмиханова и Шикарова, но объяснить, в чем были одеты грабители и опознанные ими Исмиханов и Шикаров, не могли.

Из показаний Григорян, данных ею на предварительном и судебном следствии, видно, что в момент грабежа в комнате было темно.

Кроме показаний Асирбабаяна и Григорян, суд сослался еще на одно обстоятельство: обнаруженный 13 сентября 1950 г. на дороге за корпусом № 15 мужской полуботинки кофейного цвета с левой ноги по размеру подошел к ноге Исмиханова. Однако такого же второго ботинка у Исмиханова не обнаружено. Исмиханов показал, что таких ботинок у него никогда не бы-

ло. Эти утверждения осужденного ни предварительным, ни судебным следствием не опровергнуты.

Таким образом, осуждение Исмиханова и Шикарова основано лишь на опознании их потерпевшими, которое по указанным выше причинам не может быть признано достоверным. Других доказательств их вины не добыто.

Суд признал не заслуживающими доверия все доказательства обоснованности доводов подсудимых только потому, что они противоречат показаниям потерпевших. Такой ме-

тод оценки доказательств противоречит ст. 316 УПК АзССР.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Кишлинского района АзССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда АзССР в отношении Исмиханова и Шикарова отменить и дело дальнейшим производством за недоказанностью предъявленного им обвинения прекратить.

11. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 178 УК АЗССР

Дело Пирвердиева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 6 июня 1951 г.

По приговору народного суда Исмаиллинского района АзССР Пирвердиев осужден по ч. 2. ст. 178 УК АзССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда АзССР приговор оставлен в силе.

В протесте Председателя Верховного суда СССР ставится вопрос об отмене приговора и определения и прекращении дела производством.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Пирвердиев признан виновным в том, что он жестоким обращением с женой своего брата Меликовой, материально зависимой от него, довел ее до самоубийства.

Материалами дела установлено, что Меликова и ее муж, брат осужденного, являлись колхозниками и имели свой самостоятельный заработок. Меликова и осужденный Пирвердиев, проживая совместно, часто между собой ссорились. На этой почве Меликова была взята ее родителями к себе. Через некоторое время муж Меликовой нанял частную квартиру в селе и проживал с ней в течение 20 дней отдельно от семьи своего брата.

Председатель сельсовета Мустафаев произвел раздел хозяйства братьев Пирвердиевых. Поскольку Бахтияр, муж Меликовой, претендовал на часть отцовского дома, а осужденный Пирвердиев считал, что совместная их жизнь в одном доме невозможна, он в этот же день оставил отцовский дом своему брату Бахтияру, а сам ушел жить в другое место.

Несмотря на это, Меликова ее родителями 19 мая была взята опять к себе и на предложение ее мужа возвратиться к нему отказалась, а 20 мая 1950 г. покончила жизнь самоубийством.

Для состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК АзССР, необходимо наличие материальной или иной зависимости лица, покончившего жизнь самоубийством, от лица, доведшего его до самоубийства. В данном же случае какой-либо зависимости Меликовой от осужденного Пирвердиева судом не установлено. Меликова являлась колхозницей, имела самостоятельный заработок, проживала совместно со своим мужем, а после раздела хозяйства Пирвердиевых имела самостоятельное хозяйство с собственным домом.

Вывод суда, что Меликова покончила жизнь самоубийством в результате жестокого обращения Пирвердиева, от которого она была материально зависима, не соответствует материалам дела, и Пирвердиев необоснованно признан виновным в доведении Меликовой до самоубийства.

Судебная коллегия по уголовным

делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда Исмаиллинского района АзССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда АзССР в отношении Пирвердиева отменить и дело дальнейшим производством прекратить.

12. ОТКАЗ ОБВИНЯЕМЫХ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ, А ТАКЖЕ ОТ ПОДПИСИ ПОД ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СЛУЧАЕ СОСТАВЛЕНИЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ НАДЛЕЖАЩИХ АКТОВ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕПЯТСТВИЕМ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА СУДОМ ПО СУЩЕСТВУ

Дело Карабаева, Давранова и др. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 11 апреля 1951 г.

Приговором Наманганского областного суда осуждены по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Карабаев, Давранов, Турсунов, Файзуллаев и Балтабаев с удовлетворением в порядке солидарной ответственности гражданского иска колхоза «Ленинчи».

Определением Верховного суда УзбССР приговор Наманганского областного суда отменен и дело обращено к доследованию.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения Верховного суда УзбССР и направлении дела на новое рассмотрение в Верховный суд УзбССР, но в ином составе судей, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Карабаев, Турсунов, Давранов, Файзуллаев и Балтабаев признаны виновными в том, что, находясь в преступной связи между собой, организовано расхищали денежные средства и имущество колхоза «Ленинчи». Карабаевым расхищено 45 084 руб., Турсуновым 55 702 руб., Файзуллаевым 35 140 руб. и Балтабаевым 80 544 руб.

Давранов, работая бухгалтером колхоза, принимал участие в расхищении колхозных средств.

Определение Верховного суда УзбССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Верховный суд УзбССР в своем определении указал, что органами предварительного следствия осужденные полностью не допрошены и что им не было предъявлено обвинение, чем допущено нарушение ст. 40 УПК УзбССР. Далее в определении указывается, что обвиняемые отказались подписать постановление о предъявлении им обвинения и отказались давать показания, а также не подписали постановлений об окончании следствия, вследствие чего были составлены об этом акты, в чем Верховный суд УзбССР усмотрел нарушение ст. 60 УПК УзбССР.

Однако, как видно из материалов предварительного следствия, Карабаев, Давранов и Балтабаев дали при допросах следователю подробные показания. После предъявления обвинения все обвиняемые отказались от подписи постановлений и протоколов допросов их в качестве обвиняемых, а также отказались давать показания, вследствие чего следователем были составлены соответ-

ствующие акты. Что же касается Файзуллаева, то он вообще отказался не только от подписи постановления о предъявлении ему обвинения, но и не подписался под протоколами допросов, что видно из составленного по этому поводу акта в присутствии понятых.

Из акта бухгалтерской экспертизы и показаний бухгалтеров в судебном заседании видно, что обвиняемые ездили с экспертами в поле и принимали активное участие в процессе проведения первоначальной ревизии и последующей экспертизы. Однако акт они также отказались подписать.

Будучи уличенными данными, добытыми экспертизой, и многочисленными свидетелями в подлогах, хищениях и пьянстве, Карабаев и остальные обвиняемые, без объяснения мотивов своего отказа, не подписали и постановления об окончании следствия и предъявлении им следственных материалов для ознакомления.

Из протокола судебного заседания видно, что многочисленные свидетели и бухгалтеры-эксперты полностью подтвердили виновность обвиняемых в расхищении колхозных средств и присвоении их путем составления фиктивных ведомостей и счетов, а также в подделках подписей колхозников на документах. При наличии таких данных нельзя признать определение Верховного суда Узбекской ССР по данному делу обоснованным.

Ввиду изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда УзССР в отношении Карабаева, Турсунова, Файзуллаева, Балтабаева и Давранова отменить и дело направить на новое рассмотрение в Верховный суд УзССР на новое кассационное рассмотрение, но в ином составе судей.

13. ДЕЛА О КРАЖАХ, СОВЕРШЕННЫХ В ПОЕЗДАХ, ПОДСУДНЫ ЛИНЕЙНЫМ СУДАМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Дело Шляхтова. Определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 28 июня 1951 г.

Определением подготовительного заседания линейного суда Печорской ж. д. дело по обвинению Шляхтова по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» передано для рассмотрения по существу в народный суд Котласского района Архангельской области.

Председатель Верховного суда СССР на определении подготовительного заседания линейного суда внес протест, в котором ставит вопрос об отмене этого определения и о направлении дела в линейный суд на новое рассмотрение со стадии предания суду.

Рассмотрев дело, Железнодорожная коллегия установила:

Согласно обвинительному заключению Шляхтов обвиняется в том, что 15 мая 1951 г. в вагоне № 3

пассажирского поезда Ленинград — Котлас похитил у пассажира одну пару яловых сапог и суконные брюки-галифе.

Определением подготовительного заседания линейного суда Печорской ж. д. это дело передано по подсудности для рассмотрения по существу в народный суд Котласского района Архангельской области по мотивам, что инкриминируемое Шляхтову преступление не нарушает нормальной работы транспорта.

Утверждение линейного суда, что совершенное Шляхтовым преступление не нарушает нормальной работы железнодорожного транспорта, является неправильным. Дела о кражах, совершенных в поездах, подсудны линейным судам железнодорожного транспорта.

По изложенным основаниям определение подготовительного заседа-

ния линейного суда, как вынесенное с нарушением ст. 60 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, не может быть оставлено в силе.

Соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 71 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, Железнодорож-

ная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение подготовительного заседания линейного суда Печорской ж. д. в отношении Шляхтова отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе судей, со стадии предания суду.

14. НАРУШЕНИЕ СУДОМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ПОДСУДИМЫХ ОТРАЗИЛОСЬ НА КАЧЕСТВЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

*Дело Папина и др. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 18 июля 1951 г.*

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда АзССР осуждены: Папин по совокупности ст. 143, ч. 2 ст. 146 УК АзССР и ст. ст. 2 и 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»; Сеидов — по ст. 2 вышеназванного указа; Богданов и Батаев — по ст. 4 того же указа; Исайкин, Силивков, Хомутов и Колпаков — по ч. 2 ст. 146 УК АзССР.

В протесте Председатель Верховного суда СССР ставит вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Папин признан виновным в том, что он, работая председателем колхоза имени Берия, систематически злоупотреблял своим служебным положением: а) незаконно списал с заведующего складом колхоза, осужденного по делу Богданова 19 100 кг зерна под видом естественной убыли и скрыл это обстоятельство при утверждении отчета за 1949 год, — после же проверки и исключения естественной убыли за Богдановым осталось 11 246 кг зерна стоимостью 32 548 руб., которые, по утверждению суда, присвоены Богдановым;

б) получив за эксплуатацию автомашины колхоза 1389 кг чалтыка,

в целях присвоения дал распоряжение зав. складом Батаеву не оприходовать таковой по складу, из этого количества 325 кг были похищены осужденным по делу Богдановым;

в) получив в 1946 году за эксплуатацию автомашины 15 870 руб., незаконно выдал шоферу Попову 1587 руб. за работу, несмотря на то, что он, Попов, как член колхоза, получал за это трудодни;

г) в 1947—1950 гг. израсходовал помимо банка 79 809 руб. и по внутренним актам 347 125 руб.;

д) в 1945—1949 гг. в результате халатного отношения к сохранению поголовья скота пало 50 голов крупного и 186 голов мелкого рогатого скота стоимостью 64 000 руб.;

е) войдя в преступную связь с осужденным по делу Сеидовым, присвоил 16 833 кг жмыха и 988 кг отравляющих веществ на сумму 9954 руб.

Сеидов признан виновным в том, что он, работая техником межрайонной конторы по борьбе с сельскохозяйственными вредителями по Варташескому району в 1948—1949 гг., по договоренности с осужденным по делу Папиным похитил полученные из г. Евлаха и предназначенные для борьбы с с.-х. вредителями на землях, принадлежащих госфонду, 16 833 кг жмыха и 988 кг отравляющих веществ.

Богданов признан виновным в том, что, будучи заведующим складом названного колхоза, в 1949 году при-

своил 11 246 кг зерна стоимостью 32 548 руб. и 325 кг чалтыка.

Батаев признан виновным в том, что, получив 5800 руб., собранных от колхозников для рытья артезианского колодца, присвоил эту сумму.

Исайкин признан виновным в том, что, будучи счетоводом колхоза, халатно относился к своим обязанностям, не принял мер против незаконного расходования денег по внутренним актам и помимо банка председателем колхоза Папиным.

Колпаков признан виновным в том, что, будучи председателем ревизионной комиссии колхоза, халатно относился к своим обязанностям, не проверил состояние учета и отчетности бухгалтерии колхоза и своевременно не выявил допущенных Папиным незаконных денежных операций помимо банка.

Силивков признан виновным в том, что будучи зав. складом колхоза, по своей халатности допустил недостачу разных продуктов на 15 425 руб.

Хомутов признан виновным в том, что, работая заведующим овцеводческой фермой колхоза, халатно относился к своей работе, в результате чего пало 186 голов мелкого рога-того скота стоимостью 38 000 руб.

Приговор подлежит отмене, а дело направлению на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям:

Рассматривая дело в подготовительном заседании, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда АзССР не указала, в каком порядке должно быть рассмотрено дело—с участием сторон или без них. Вопреки требованию ст. 252 УПК АзССР суд при вручении обвинительного заключения не предупредил подсудимых о их праве избрания себе адвоката или назначения такового судом. Поскольку по делу изъявил желание выступить прокурор, суд за день до рассмотрения дела отобрал от подсудимых подписку о том, что они отказываются от адвоката, и дело, таким образом, рассмотрено с прокурором без участия адвокатов.

Как видно из материалов дела, оно связано с финансово-хозяйственной деятельностью колхоза, по делу имеется много эпизодов преступлений, некоторые из подсудимых или вовсе неграмотны или малограмотны и защищать себя в суде сами без квалифицированного адвоката не могли, суд же по своей инициативе до рассмотрения дела никаких мер к обеспечению подсудимых адвокатами не принял и таким образом поставил подсудимых в вынужденное положение отказаться от адвокатов.

В протоколе судебного заседания,— как видно, после его составления,— сделана вписка о том, что подсудимым Богданову и Батаеву судом было предложено воспользоваться услугами адвоката Мамедовой, но они от этого отказались. Во-первых, эта вписка вызывает сомнение в правдоподобности ее, так как в деле нет ордера на право выступления адвоката и нет данных о том, что адвокат вызывался судом; во-вторых, не известно, почему суд предложил адвоката только Богданову и Батаеву при наличии в деле восьми человек подсудимых, почему не предложил этого адвоката остальным подсудимым.

Суд в нарушение ст. 258 УПК АзССР и своего определения о вызове всех 40 человек свидетелей при неявке 10 человек из них не заслушал мнения подсудимых о возможности рассмотрения дела при наличии явившихся свидетелей, не установил причин неявки остальных и не вынес по этому вопросу определения, тогда как показания некоторых неявившихся свидетелей (Лятифова, Кулакова и др.) имели существенное значение для правильного разрешения дела. Кроме того, суд не огласил и не проверил показаний этих неявившихся свидетелей.

Перед началом рассмотрения дела подсудимый Папин заявил ходатайство о направлении дела на исследование, мотивируя свое ходатайство тем, что его допрашивали на азербайджанском языке, которым он не владеет.

Из материалов дела видно, что Папин допрашивался в стадии предварительного следствия через переводчика. Суд безмотивно отклонил ходатайство Папина, который впоследствии отказался давать показания суду.

По ходу судебного следствия по ходатайству прокурора суд без всяких мотивов определил изменить меру пресечения Папину, до этого находившемуся на свободе, — взял его под стражу.

Допрошенные на суде подсудимые, за исключением Колпакова, виновными себя не признали. Так, подсудимый Сеидов объяснил, что жмых и отравляющие вещества были получены по доверенности межрайонной конторы по борьбе с сельскохозяйственными вредителями колхозом имени Берия, на автомашине которого доставлены в склад колхоза, часть жмыха была использована на отравление сельскохозяйственных вредителей, а часть отпущена другим колхозам, что отравление вредителей производилось как на землях госфонда, так и на землях колхоза и что при проверке отравленных участков принимал участие начальник межрайонной конторы Ляtifов, который подписал акты.

Допрошенные на суде свидетели подтвердили, что они производили работы по борьбе с сельскохозяйственными вредителями как на колхозных землях, так и на землях госфонда, куда вывозились жмых и отравляющие вещества, и что часть жмыха была отпущена колхозам в 1948—1949 гг. по разнарядке райземотдела.

Допрошенный по этому вопросу председатель колхоза имени Комсомола Рзаев подтвердил суду, что им для колхоза имени Комсомола были получены от Папина с согласия Сеидова, по его письменному обращению, 500 кг жмыха, но за это он, Рзаев, ни Папину ни Сеидову денег не платил.

Из показаний свидетеля Кавешникова видно, что он два раза возил по десять мешков жмыха в местность Гуру-Кяхриз, а свидетель Ава-

несов — председатель сельсовета — подтвердил, что в местности Гуру-Кяхриз наряду с колхозной землей имеются и земли госфонда. Другой свидетель, Хомутов, показал суду, что он для корма скота колхоза получил из склада колхоза имени Берия 290 кг жмыха. О том, что производились работы по борьбе с грызунами, куда вывозились жмых и отравляющие вещества, подтвердили Юсупов и Потапов.

Ни один из допрошенных в суде свидетелей не подтвердил факта продажи жмыха Папиным или Сеидовым. Суд же не дал оценки этим показаниям и не уточнил, кем и как были получены жмых и отравляющие вещества, могли ли Сеидов нести материальную ответственность за жмых, находившийся в складе колхоза, так же как не установил, каким колхозам, в каком количестве и по чьему распоряжению отпускался жмых.

Осужденный Батаев показал, что на выданные ему в подотчет деньги им куплены штанги и фрезера у гр-на Кулакова, за что он уплатил деньгами и одним мешком муки, что штанги находятся у Кулакова, которыми он производит бурение в Геокчайском районе, и что он, Батаев, может доставить их. То, что штанги находятся у Кулакова, видно из его расписки и из его показаний в органах следствия. Что Батаев за штанги платил мукой, подтверждено показаниями жены Кулакова, которая, будучи допрошенной по отдельному требованию следователя, показала, что к ним на квартиру приходил какой-то гражданин по имени Елисеевич, принес один мешок муки. Из приговора суда не видно, почему суд не дал должной оценки этим документам и почему не допросил Кулакова.

Суд, считая недостачу по складу у Богданова 11 206 кг зерна присвоением, также признал, что он, приняв для доставки на автомашине Попова 1389 кг чалтыка, присвоил из них 325 кг.

Допрошенный в суде по этому вопросу свидетель Бычков показал,

что шофером Поповым для очистки было привезено на мельницу два мешка чалтыка и на его, Бычкова, вопрос, откуда у него этот чалтык, Попов заявил, что якобы он получен им за трудодни. Суд же не проверил, получал ли Попов в то время чалтык и в каком размере.

Из имеющегося в деле письма Министерства сельского хозяйства АзССР от 27 марта 1950 г. видно, что определенных процентов на естественную убыль при хранении и перевозке сельхозпродуктов в колхозах не имеется и что в каждом отдельном случае это устанавливается общим собранием колхоза в пределах утвержденных государственных норм. Суд же не выяснил, в каком разме-

ре и насколько правильно применена норма естественной убыли по складу, где заведующим был Богданов. Также не проверены материалы и в части обвинения Папина, который, по создавшемуся в суде положению, отказался от дачи показаний.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Папина, Сейдова, Богданова, Батаева, Исайкина, Колпакова, Силивкова и Хомутова отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе судей со стадии судебного разбирательства.

15. ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕЛ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО ДОПУСКАЕТСЯ ЛИШЬ ПРИ НАЛИЧИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 117 УПК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИМИ СТАТЬЯМИ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Дело Бутко. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 5 мая 1951 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор Кемеровского областного суда в отношении Бутко, осужденного по ст. 109 УК РСФСР и по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», отменен с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и направлении дела на новое кассационное рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Приговором Кемеровского областного суда Бутко признан виновным в том, что, работая начальником электромеханических мастерских треста, злоупотребляя своим служебным положением, на протя-

жении 1947—1949 гг. совершил следующие преступления:

В ноябре—декабре 1947 года предоставил гр-ну Танкову двух лошадей, принадлежащих мастерским, для поездки в Алтайский край за пчелиными ульями и одновременно отправил третью лошадь с гражданами Шаченовым и Попаденко для приобретения ему, Бутко, коровы и пчелиного улья.

В январе 1948 года разрешил Попаденко сдать мясо забитой коровы, принадлежащей мастерским, в столовую, а полученные за это мясо 2012 руб. разрешил Попаденко израсходовать на строительство дома, без соответствующего оформления через кассу.

Систематически получал для своих нужд принадлежащий мастерским овес, который списывал за счет конного двора мастерских.

Дал указание не оприходовать из урожая 1948 года 1266 кг проса, 1 тонну овса и 780 кг пшеницы и впоследствии роздал это зерно разным лицам бесплатно, причем часть

стоимости зерна была уплачена лишь в момент ревизии.

Разрешал за счет подсобного хозяйства мастерских содержать скот, принадлежащий разным лицам, в том числе скот, принадлежащий лично ему, Бутко, и его брату.

Распорядился выдать разным лицам 10 т овса без оплаты его стоимости, в том числе выдал 4 т сена Друшлякову. Часть стоимости сена была возмещена в момент ревизии, а другая часть списана за счет конного двора. Распорядился выплатить по фиктивным нарядам Москаленко, Загреба и Ильину 1590 руб. В июле 1948 года незаконно кредитовал Бурлаковскую МТС на сумму 20 000 руб.

Бутко в своих объяснениях суду ни одного факта предъявленного ему обвинения не отрицал, ссылаясь лишь на то, что он не преследовал личной корыстной заинтересованности, а также на то, что отдельные незаконные действия, в частности сокрытие урожая и разбазаривание сена, производил по указанию заместителя управляющего треста Друшлякова.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассматривая дело по кассационной жалобе Бутко, пришла к выводу о необходимости отмены приговора Кемеровского областного суда по тем мотивам, что органами предварительного следствия и судом нарушено требование ст. 117 УПК РСФСР, неосновательно выделено в процессе расследования дело в отношении Романова и Григорьева, а в отношении Друшлякова вынесено частное определение о привлечении к уголовной ответственности, тогда как эти дела должны быть объединены в одно производство.

Определение Верховного суда РСФСР подлежит отмене:

Статья 117 УПК РСФСР предусматривает объединение дел в одно производство, когда такое объединение способствует наиболее полному и всестороннему расследованию дела в целом и установлению вины каждого из привлеченных к уголовной

ответственности лиц в отдельности.

Однако неправомерные действия Друшлякова, работавшего в должности заместителя управляющего треста «Кагановичуголь», Романова и Григорьева, которые, судя по показаниям Бутко, заключались в том, что они получали из подсобного хозяйства центральных электромеханических мастерских, наряду со многими другими лицами, бесплатное сено и зерно, не могли бы изменить ход следствия и судебного рассмотрения дела Бутко, так как незаконные действия Друшлякова, Романова и Григорьева не снимают ответственности с Бутко за совершенные им преступления.

То обстоятельство, что Бутко отпускал сено и зерно Друшлякову — лицу, которому он подчинялся по службе, Романову и Григорьеву, суду первой инстанции при рассмотрении настоящего дела было известно, и он это не только учел, но и вынес определение о привлечении Друшлякова к уголовной ответственности. Что же касается Романова и Григорьева, то органы предварительного следствия по ходу расследования дела выделили дело о них в отдельное производство именно по тем соображениям, что их действия имеют отношение лишь к одному из многочисленных пунктов обвинения Бутко и объединение дела о них в одно производство было бы в значительной мере искусственным.

Верховный суд РСФСР, отменяя приговор ввиду нарушения ст. 117 УПК РСФСР, не указал в своем определении, какие именно последствия повлекло это нарушение, сославшись лишь на то, что при дополнительном расследовании нужно конкретизировать вину Бутко, Друшлякова, Романова и Григорьева.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Бутко отменить и дело возвратить на новое кассационное рассмотрение в тот же суд в ином составе с соблюдением требований ст. 409 УПК РСФСР.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. РАБОТНИКАМ, РАБОТАВШИМ В ДНИ ОТДЫХА ИЛИ В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ, ПРИ НЕВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТГУЛА ДОЛЖНО БЫТЬ ВЫПЛАЧЕНО ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА РАБОТУ В ЭТИ ДНИ В ДВОЙНОМ РАЗМЕРЕ

Определение по делу № 36/430 по иску Михайловой к домоуправлению № 617 о взыскании зарплаты

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 28 апреля 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 4-го участка Пролетарского района г. Риги от 16 июня 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Латвийской ССР от 11 июля 1950 г. по иску Михайловой к домоуправлению № 617 о взыскании зарплаты.

Судебная коллегия по гражданским делам находит: гр-ка Михайлова предъявила иск к домоуправлению № 617 Пролетарского района г. Риги о взыскании зарплаты за работу в выходные дни с октября 1949 года по апрель 1950 года и компенсации за неиспользованный отпуск.

Решением народного суда 4-го участка Пролетарского района г. Риги от 16 июня 1950 г. иск Михайловой удовлетворен частично: взыскана в ее пользу с домоуправления зарплата в одинарном размере за выходные дни в пределах трехмесячного давностного срока, в остальной части иска отказано.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Латвийской ССР от 11 июля

1950 г. это решение оставлено в силе.

Дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Из дела усматривается, что Михайлова, работая истопником в домоуправлении № 617, за период с октября 1949 года по апрель 1950 года не пользовалась выходными и праздничными днями и при увольнении не получила компенсации за неиспользованный отпуск.

Народный суд неправильно взыскал с домоуправления в пользу Михайловой зарплату за выходные и праздничные дни в одинарном размере.

В соответствии со ст. 2 постановления СНК СССР от 6 марта 1930 г.¹ замена еженедельного отдыха денежной компенсацией, как правило, не допускается. В случае привлечения работника на работу в дни еженедельного отдыха администрация обязана предоставить ему другой день отдыха. При невозможности предоставления отгула работникам, работающим в дни еженедельного отдыха, должна быть оплачена зарплата за эти дни в двойном размере (ст. 60 КЗоТ).

Так же неправильно отказал суд во взыскании в пользу Михайловой

¹ СЗ СССР 1930 г. № 16, ст. 179.

компенсации за неиспользованный отпуск. Суд мотивировал отказ ссылкой на то обстоятельство, что Михайлова являлась сезонным рабочим и поэтому права на отпуск или его компенсацию не имеет. Суд не имел оснований считать Михайлову сезонным рабочим, так как в перечень сезонных работ, утвержденный НКТ СССР 11 октября 1932 г.¹, работа истопника не входит.

Поэтому нельзя признать правильным применение по данному делу постановления ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1926 г.², согласно которому сезонные и временные работники не пользуются правом на отпуск или компенсацию за него.

¹ «Известия НКТ СССР» 1932 г. № 28—29.

² СЗ СССР 1926 г. № 40, ст. 290.

2. ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОРЕВНОВАНИЙ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ С ОТРЫВОМ ОТ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РАБОТЫ УЧАСТНИКАМ СОРЕВНОВАНИЙ ВОЗМЕЩАЕТСЯ СРЕДНЯЯ ЗАРПЛАТА ПО МЕСТУ ПОСТОЯННОЙ РАБОТЫ ЗА СЧЕТ ОРГАНИЗАЦИИ, НАПРАВЛЯЮЩИХ НА СОРЕВНОВАНИЯ

Определение по делу № 36/482 по иску Гогелейшвили к заводу о взыскании зарплаты

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 мая 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка г. Поти от 23 марта 1950 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 21 апреля 1950 г. по иску Гогелейшвили к заводу о взыскании зарплаты.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Гогелейшвили, работник завода, Потийским городским комитетом физкультуры был направлен в командировку для участия в спортивных соревнованиях по плаванию. Соревнования проходили с 9 сентября по 1 октября 1949 г. За время нахождения Гогелейшвили в командировке администрация завода не уплатила ему зарплату.

Гогелейшвили обратился в народ-

По изложенным соображениям Председатель Верховного суда СССР в протесте просит решение народного суда и определение Верховного суда Латвийской ССР отменить и дело возратить на новое рассмотрение.

Соглашаясь с доводами протеста, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 4-го участка Пролетарского района г. Риги от 16 июня 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Латвийской ССР от 11 июля 1950 г. отменить, дело возратить на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

ный суд с заявлением о взыскании с завода заработной платы.

Народный суд 2-го участка г. Поти 23 марта 1950 г. иск удовлетворил.

Решение народного суда оставлено в силе определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 21 апреля 1950 г.

Решение народного суда и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР подлежат отмене по следующим основаниям:

В соответствии с Положением Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР «Об оплате расходов по содержанию участников и судей спортивных соревнований и учетно-тренировочных сборов», утвержденным СНК СССР 14 мая 1940 г., при проведении соревнований физкультурников с отрывом их от производственной работы участникам соревнований возмещается средняя зарплата из расчета получа-

емой ими заработной платы по месту постоянной работы за счет организаций, направляющих на соревнования.

Поэтому взыскание с завода в пользу Гогелейшвили заработной платы за время участия в спортивных соревнованиях является неправильным. При новом рассмотрении дела суду надлежит привлечь в качестве ответчика Потийский комитет по делам физкультуры, которым Гогелейшвили был направлен на соревнования, и разрешить дело в соответствии с указанным выше По-

ложением об оплате расходов по содержанию участников спортивных соревнований.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 2-го участка г. Поти от 23 марта 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 21 апреля 1950 г. отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд.

3. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ст. 236 ГК УССР

Определение по делу № 36/309 по иску райпотребсоюза к Чуприну о взыскании 2000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 марта 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Здолбуновского района Ровенской области от 14 июля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 12 декабря 1950 г. по иску райпотребсоюза к Чуприну о взыскании 2000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Чуприн, работая заведующим райторготдела, дал поручительство райпотребсоюзу за гр-ку Бульба, которая поступила на работу в чайную райпотребсоюза, и обязался в случае, если Бульба совершит растрату, покрыть за нее растрату в сумме 2000 руб. За время работы гр-ки Бульба в чайной ею была совершена растрата в сумме 3257 руб., и так как гр-ка Бульба скрылась, то райпотребсоюз предъявил в суде иск к Чуприну о взыскании 2000 руб.

Народный суд Здолбуновского района Ровенской области решением от 19 июля 1949 г. удовлетворил иск о взыскании с Чуприна 2000 руб.

Протест Прокурора УССР об отмене решения народного суда Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 12 декабря 1950 г. отклонила.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда УССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Удовлетворяя иск райпотребсоюза к Чуприну о взыскании 2000 руб., суд исходил из того, что на основании выданного Чуприным поручительства последний несет перед райпотребсоюзом имущественную ответственность за ущерб, причиненный гр-кой Бульба.

Выводы суда по этому вопросу являются неправильными и не основаны на законе.

Гражданским кодексом УССР предусмотрена возможность заключения договоров поручительства как одного из видов обеспечения обязательства. При этом договор поручительства должен отвечать ряду требований, предусмотренных законом.

В силу ст. 236 ГК УССР по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором третьего лица отвечать за исполнение его обязательства в полном объеме или в части.

Договор поручительства носит дополнительный характер. Ему должно предшествовать возникновение основного обязательства третьего лица перед кредитором, и исполнение этого обязательства обеспечивается договором поручительства.

По данному же делу во время выдачи Чуприным чайной райпотребсоюза так называемого поручительства чайная не являлась еще кредитором по отношению к гр-ке Бульба, а требование ее к Бульбе возникло значительно позже — с момента нанесения материального ущерба чайной райпотребсоюза.

В соответствии со ст. 237 ГК УССР поручительством может обеспечиваться лишь действительное требование.

Поэтому поручительством не может обеспечиваться предполагаемое требование, которое может возникнуть в неизвестном поручителю объеме.

Одним из элементов договора поручительства является срок его действия, определяемый в зависимости от наступления срока исполнения основного обязательства.

Между тем в данном случае речь идет только о возможном возникновении основного обязательства, по-

этому срок действия поручительства определен быть не может.

Поскольку документ, подписанный Чуприным, не является обеспечением реального требования, у суда не было оснований считать этот документ поручительством и возлагать на ответчика материальную ответственность за действия гр-ки Бульба.

Документ, выданный Чуприным, как не содержащий в себе признаков, установленных законом для договора поручительства, может быть оценен как рекомендация, не дающая оснований к удовлетворению иска.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда Здолбуновского района Ровенской области от 14 июля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 12 декабря 1950 г. и в иске райпотребсоюзу к Чуприну о взыскании 2000 руб. отказать.

4. В СЛУЧАЕ ПРОДАЖИ ОБЩИМ СОБСТВЕННИКОМ СВОЕЙ ДОЛИ, ЕСЛИ ПРОДАЖА УЖЕ СОВЕРШЕНА, ДРУГОЙ ОБЩИЙ СОБСТВЕННИК ИМЕЕТ ПРАВО ОБРАТИТЬСЯ В СУД С ИСКОМ НЕ ПРОСТО О ПРИЗНАНИИ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ, А О ПЕРЕВОДЕ НА НЕГО ПРАВА ПРИОБРЕТАТЕЛЯ СО ВНЕСЕНИЕМ В СУД УПЛАЧЕННЫХ ПРИОБРЕТАТЕЛЕМ ДЕНЕГ И ПОНЕСЕННЫХ РАСХОДОВ, С ПРИНЯТИЕМ НА СЕБЯ ВСЕХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПОКУПЩИКА

Определение по делу № 36/584 по иску Шелухина и др. к Тишиной о расторжении договора купли-продажи части дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 30 июня 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1950 г. и на последующие решение Московского областного суда и определение Верховного суда РСФСР по иску Шелухина и др. к Тишиной о расторжении договора купли-продажи части дома.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Истцам Шелухиным принадлежало по праву наследства каждому по

$\frac{1}{7}$ части дома, находящегося на Красной ул. в г. Ногинске.

17 июня 1941 г. один из наследников — Шелухин В. И. — по нотариально удостоверенному договору принадлежащую ему $\frac{1}{7}$ часть дома продал за 2742 руб. ответчице Тишиной, которая с момента оформления этого договора вступила в управление приобретенной частью дома, где она по настоящее время и проживает со своей семьей.

В августе месяце 1949 года наследники Шелухины обратились в суд с иском о признании указанного договора купли-продажи части до-

ма, заключенного между Шелухиным В. И. и Тишиной, недействительным, ссылаясь в обоснование своих требований на то, что они на отчуждение части дома Шелухину В. И. согласия не давали.

Одновременно с этим истцы предъявили требование о выселении из дома Кременец Р. Е., которая занимает в доме одну комнату с 1946 года по договору аренды (срок коего истек), заключенному с тем же наследником — Шелухиным В. И.

Настоящее дело первоначально несколько раз рассматривалось народным судом, а впоследствии было принято к производству по первой инстанции Московским областным судом, решением которого от 21 февраля 1950 г. требования Шелухиных о выселении Кременец были удовлетворены, а в иске о признании недействительным договора купли-продажи дома, заключенного между Шелухиным В. И. и Тишиной, отказано.

По кассационной жалобе истцов Верховный суд РСФСР определением от 20 апреля 1950 г. указанное решение Московского областного суда в отношении отказа в иске о расторжении договора продажи Тишиной части дома отменил и дело передал на новое рассмотрение по тем мотивам, что суд не обсудил вопроса о восстановлении пропущенного срока давности.

Последующим решением от 13 июля 1950 г. тот же областной суд договор купли-продажи $\frac{1}{7}$ части дома, заключенный между Шелухиным В. И. и Тишиной, расторгнул, выселил последнюю с занимаемой площади в доме, со взысканием в ее пользу с Шелухина В. И. 2800 руб. Этим же решением Московский областной суд повторил ранее вынесенное и никем не отменявшееся решение о выселении Кременец.

Определением Верховного суда РСФСР от 25 июля 1950 г. указанное решение Московского областного суда оставлено в силе.

Председатель Верховного суда СССР ставит в протесте вопрос об

отмене определения Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1950 г., решения Московского областного суда от 13 июля 1950 г. и оставившего его в силе определения Верховного суда РСФСР от 25 июля 1950 г. с оставлением в силе решения Московского областного суда от 21 февраля 1950 г. по следующим основаниям:

Как сказано выше, договор купли-продажи части дома был заключен между Шелухиным В. И. и Тишиной 10 лет назад и оформлен в соответствии с требованиями закона в нотариальном порядке, ввиду чего для признания этого договора недействительным должны быть весьма веские мотивы.

В данном случае суд расторгнул этот договор, исходя лишь из факта формального нарушения требований ст. 64 ГК РСФСР, игнорировав при этом то существенное обстоятельство, что иск о якобы незаконном отчуждении части дома был заявлен более чем через 8 лет, причем четверо из наследников были осведомлены об отчуждении спорной части дома в момент заключения договора купли-продажи, а один из них, как видно по делу, на отчуждение Шелухиным В. И. своей наследственной доли давал письменное согласие.

Нет оснований для восстановления пропущенного давностного срока и в отношении истца Шелухина А. И., так как тот факт, что он являлся кадровым офицером Советской Армии, мог служить препятствием к оспариванию договора купли-продажи лишь в период войны, однако требования об этом Шелухин заявил по истечении более 4 лет после окончания войны; к тому же Шелухин А. И. в наследственном доме не проживает с 1928 года и на протяжении этого времени в управлении домом никакого участия не принимал.

Что же касается ответчицы Тишиной, то она приобрела часть дома правомерно, проживает в этом доме с семьей более 10 лет, ввиду чего оснований для лишения ее права собственности на законно приобретенную часть дома не имеется.

По решению же суда ответчица Тишина не только лишена права собственности на свою часть дома и подлежит выселению из этого дома, но и лишилась возможности получить обратно выплаченные по договору купли-продажи деньги, так как Шелухин В. И., с которого приговорены в пользу Тишиной 2800 руб., в рассмотрении дела не участвовал и не известно, где находится.

В соответствии с установившейся судебной практикой в случае продажи общим собственником своей доли, если продажа уже совершена, другой общий собственник имеет право обратиться в суд с иском не просто о признании сделки недействительной, а о переводе на него прав приобретателя, со внесением в суд как уплаченных приобретателем денег, так и сборов и пошлин и всех других понесенных покупателем необходимых расходов, с принятием на себя всех обязательств покупателя.

В данном случае эти положения

при рассмотрении дела были игнорированы, ввиду чего судьба спорной части дома решением суда не определена, а интересы ответчицы как добросовестного приобретателя оказались грубо нарушенными.

Соглашаясь с изложенными выше доводами протеста и принимая во внимание, что при разрешении данного дела в первый раз Московский областной суд 21 февраля 1950 г. требования истцов о расторжении договора купли-продажи части дома, заключенного Шелухиным В. И. с ответчицей Тишиной, отклонил правильно, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1950 г., решение Московского областного суда от 13 июля 1950 г. и определение Верховного суда РСФСР от 25 июля 1950 г. отменить, а решение Московского областного суда от 21 февраля 1950 г. оставить в силе.

5. ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДОМА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ОБОИМ СУПРУГАМ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАН ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ, ЕСЛИ ОН ЗАКЛЮЧЕН ОДНИМ СУПРУГОМ БЕЗ СОГЛАСИЯ ДРУГОГО

Определение по делу № 36/332 по иску Коршуновой к Губанищеву и Коршунову о признании недействительным договора купли-продажи дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 4 апреля 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда РСФСР от 28 сентября 1950 г. по иску Коршуновой Е. О. к Губанищеву М. С. и соответчику Коршунову Ф. А. о признании недействительным договора купли-продажи дома.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Гр-ка Коршунова Е. О. обратилась в суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи дома, заключенного 9 июня 1947 г. между Коршуновым Ф. А. и Губанищевым, и о возврате ей дома.

Верховный суд Мордовской АССР решением от 18 августа 1950 г. постановил:

1) Договор купли-продажи дома, заключенный 9 июня 1947 г. между Губанищевым и Коршуновым Ф. А., признать недействительным; 2) выделить из общего имущества Коршуновых в пользу Коршуновой Е. О. в натуре часть дома, в остальной части иска Коршуновой Е. О. отказать за неосновательностью; 3) предоставить право Губанищеву предъявить иск к Коршунову Ф. А. о взыскании стоимости части дома, выделенной на долю истицы Коршуновой Е. О.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 28 сентября 1950 г.

отменила решение Верховного суда Мордовской АССР и дело передала на новое рассмотрение, указав, что у суда не было достаточных оснований для признания сделки недействительной по ст. 29 ГК РСФСР и что суд не выяснил, не является ли ответчик Губанищев добросовестным приобретателем спорного домовладения.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, истица Коршунова Е. О. с 1931 года состояла в зарегистрированном браке с Коршуновым Ф. А. При совместной жизни в 1936 году супруги Коршуновы в селе Починках построили пятистенный дом.

В 1939 году Коршунов Ф. А. фактически прекратил брачные отношения с Коршуновой Е. О. и выехал в г. Мурманск, откуда в 1941 году был мобилизован в Советскую Армию.

Истица Коршунова Е. О. после смерти родителей мужа, в 1943 году, вместе с дочерью выехала на работу в г. Хабаровск, поручив своим родственникам надзор за домом.

По возвращении из Советской Армии Коршунов Ф. А. 8 июня 1947 г. продал принадлежащий ему и его жене дом ответчику по делу Губанищеву за 18 000 руб.

В июле 1947 г. Коршунова Е. О. возвратилась с Дальнего Востока и, узнав о том, что дом продан ее мужем, предъявила в суде иск к Губанищеву и Коршунову Ф. А. о признании договора купли-продажи дома недействительным и о возврате ей дома, так как она с детьми не имеет жилплощади.

Разрешая настоящее дело по существу, Верховный суд Мордовской АССР правильно признал недействительным договор купли-продажи дома между Коршуновым Ф. А. и Губанищевым, как заключенный с нарушением требований ст. 185 ГК РСФСР и без согласия истицы Коршуновой Е. О., являющейся собственницей этого дома.

Однако, разрешая вопрос о приведении сторон в первоначальное положение, суд допустил противоречие в своем решении.

По решению суда договор купли-продажи дома признан полностью недействительным за нарушением ст. 185 ГК РСФСР. Между тем судебным решением Губанищеву предоставлено право требовать возврата не всей суммы, уплаченной им за дом, а только суммы, равной стоимости доли, выделенной Коршуновой. В этой части дело подлежит новому рассмотрению.

Что касается решения суда в отношении признания договора недействительным и выдела Коршуновой доли домовладения, то у Верховного суда РСФСР не было оснований для его отмены.

Ссылка Судебной коллегии Верховного суда РСФСР в определении на то, что ответчик Губанищев не знал точно, кому принадлежит дом, является необоснованной и опровергается материалами дела.

Губанищев является близким родственником Коршунова и проживал в одном населенном пункте с Коршуновым, следовательно, о том, что дом принадлежал обоим супругам Коршуновым, Губанищев должен был знать. Поэтому, поскольку Губанищев купил дом в отсутствие гр-ки Коршуновой, без ее согласия, он не может быть признан добросовестным приобретателем дома.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда РСФСР от 28 сентября 1950 г. Решение Верховного суда Мордовской АССР от 18 августа 1950 г. отменить в части приведения сторон—Губанищева и Коршунова Ф. А. в первоначальное положение и дело в этой части передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей. В остальной части решение Верховного суда Мордовской АССР оставить в силе.

6. ЗЕМЛЯ, ЗАКРЕПЛЕННАЯ ЗА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛЮ В БЕССРОЧНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ, КАК И ВСЯКАЯ ДРУГАЯ ЗЕМЛЯ В СССР, ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩЕНАРОДНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ И НЕ ПОДЛЕЖИТ НИ КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ, НИ СДАЧЕ АРТЕЛЮ В АРЕНДУ

Определение по делу № 36/555 по иску колхоза имени Кирова к прядильно-ткацкому комбинату имени Ленина о взыскании арендной платы

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 13 июня 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Шаумяновского района от 23 октября 1950 г. и определение Верховного суда Азербайджанской ССР от 21 декабря 1950 г. по иску колхоза имени Кирова к прядильно-ткацкому комбинату имени Ленина о взыскании 125 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Колхоз имени Кирова в сентябре 1950 года обратился в суд с иском к прядильно-ткацкому комбинату имени Ленина о взыскании 125 000 руб. за аренду виноградных участков и находящихся при них жилых помещений в течение пятилетнего срока — с 1946 по 1950 год.

Рассмотрев это дело, народный суд 3-го участка Шаумяновского района решением от 23 октября 1950 г. иск колхоза имени Кирова удовлетворил полностью, постановив взыскать с комбината имени Ленина в пользу колхоза 125 000 руб. и в возмещение судебных расходов.

Верховный суд Азербайджанской ССР решение народного суда оставил в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решений народного суда и определения Верховного суда Азербайджанской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Суд при разрешении настоящего дела по существу не проверил законности сделки, заключенной между сторонами.

Согласно ст. 2 Примерного устава сельскохозяйственной артели земля, закрепленная за артелью в

бессрочное пользование (как и всякая другая земля в СССР), является общенародной государственной собственностью и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду.

Из материалов по настоящему делу видно, что колхоз имени Кирова сдал текстильному комбинату имени Ленина по договору долгосрочной аренды не только жилые помещения, но и виноградники, находящиеся на закрепленной за колхозом земле.

Такая сделка противоречит ст. 2 Примерного устава сельскохозяйственной артели¹, постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»² и постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»³. Суду следовало в соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. № 9/8/у «О судебной практике по гражданским колхозным делам» обсудить вопрос о законности заключенной между сторонами сделки.

Кроме того, по настоящему делу не обсужден вопрос о соблюдении срока исковой давности, предусмотренного ст. 44 ГК РСФСР.

Согласно договору, заключенному между сторонами 20 апреля 1946 г., ответчик обязался обусловленную арендную плату уплачивать истцу ежегодно вперед, следовательно, течение срока исковой давности в силу ст. 45 ГК начиналось для каждого года аренды с 20 апреля того года, за который требовалась арендная плата.

¹ СЗ СССР 1935 г. № 11, ст. 82.

² СП СССР 1939 г. № 34, ст. 235.

³ СП СССР 1946 г. № 13, ст. 254.

Таким образом, суд при разрешении этого дела с достаточной полнотой не исследовал всех обстоятельств по делу и не установил действительных прав и взаимоотношений сторон, чем нарушил ст. ст. 5, 118, 176 ГПК АзССР.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским

делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 3-го участка Шаумяновского района г. Баку от 23 октября 1950 г. и определение Верховного суда АзССР от 21 декабря 1950 г. и дело передать на новое рассмотрение Верховному суду АзССР по первой инстанции с участием прокурора.

7. ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ЦИК И СНК СССР ПРАВО НАНИМАТЕЛЯ ЗАСЕЛИТЬ ОБРАЗОВАВШИЕСЯ ИЗЛИШКИ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ В ДОМАХ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГРАЖДАНАМ НА ПРАВЕ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Определение по делу № 36/536 по иску Руутмаа к Ведро о выселении из комнаты

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 2 июня 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда участка Таллин-Нимме от 20 декабря 1950 г. и определение Верховного суда Эстонской ССР от 20 января 1951 г. по иску Руутмаа Эмили к Ведро Марии о выселении из комнаты.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Истица Руутмаа проживает в г. Таллине в доме, принадлежащем на праве личной собственности Лейсту Иоганнесу, в квартире, состоящей из двух комнат и кухни.

Фактически Руутмаа пользуется одной комнатой, а другую комнату в 15 кв. м систематически сдает различным лицам.

Так, эта комната истицей сдавалась гр-ке Вильберк, затем гр-нам Палло и Краус, а после выезда последнего 1 ноября 1950 г. ответчик Лейст, как собственник дома, дал согласие на прописку и вселение в комнату площадью 15 кв. м ответчице Ведро Марии.

Месяц спустя после этого истица Руутмаа обратилась в суд с иском о выселении ответчицы Ведро Марии, так как она, Руутмаа, имеет в виду вселить на спорную жилплощадь гр-на Корюс, с намерением обменяться с ним квартирами.

Рассмотрев дело, народный суд района Таллин-Нимме решением от 23 декабря 1950 г. иск Руутмаа удовлетворил, постановив выселить ответчицу Ведро Марию из занимаемой ею жилплощади.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Эстонской ССР определением от 20 января 1951 г. решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Эстонской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Предусмотренное постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. право нанимателя заселить образовавшийся излишек жилой площади не распространяется на жилые помещения в домах, принадлежащих отдельным гражданам.

В домах, принадлежащих отдельным гражданам на праве личной собственности, излишек жилой площади у съемщика в виде изолированной комнаты может быть заселен лишь по усмотрению владельца дома.

Поскольку из дела видно, что комната в 15 кв. м составляет для съемщика Руутмаа излишек против нормы и что этой комнатой она не пользовалась, следует признать, что владелец дома, ответчик Лейст,

имел право заселить эту комнату по своему усмотрению.

Не обоснована ссылка истицы на то, что она предполагает обменять площадь с гр-ном Корюс, так как для обмена необходимо согласие владельца дома, а такого согласия в данном случае у истицы не было.

По изложенным основаниям Су-

дебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда участка Таллин-Нимме от 20 декабря 1950 г. и определение Верховного суда Эстонской ССР от 20 января 1951 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей.

8. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ОТКАЗ В ИСКЕ О ВОЗВРАТЕ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ

Определение по делу № 36/589 по иску Колтун к Черкасской, Жарковой и Наконечному о выселении из квартиры

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 30 июня 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Украинской ССР от 3 марта 1950 г. и все последующие судебные решения и определения по иску Колтун к Черкасской, Жарковой и Наконечному о выселении из квартиры.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Колтун Мария, 1931 года рождения, проживала со своим отцом, теткой Скляревской и сестрой в квартире № 8 дома № 33 по улице Мало-Васильковской в г. Киеве, где вся семья занимала квартиру, состоящую из двух комнат, общей площадью 38 кв. м.

Мать Колтун Марии умерла в 1940 году, а отец в июне 1941 года был мобилизован в МПВО и во время военных действий пропал без вести.

Истица Колтун вместе со своей теткой Скляревской и сестрой эвакуировалась в Челябинскую область, где истица и сестра ее были определены в детский дом, затем истица Колтун Мария была переведена в другой детский дом и потеряла связь со своей теткой.

В 1946 году в числе других детей Колтун Мария была направлена из детдома в школу ФЗО в г. Гусь-

Хрустальный, по окончании которой Колтун Мария работала на ткацкой фабрике.

В июне 1949 года Колтун Мария приехала в г. Киев, где проживали ее сестра и тетка.

Так как прежняя квартира, где до войны проживала со своими родными истица Колтун, оказалась занятой (в одной комнате жила Черкасская по ордеру с 5 июня 1944 г., а в другой — Жаркова по ордеру от 11 ноября 1945 г.), то Колтун Мария предъявила в суде иск о выселении Черкасской и Жарковой.

Народный суд 4-го участка Ленинского района г. Киева решением от 14 сентября 1949 г. отказал в иске Колтун о выселении Черкасской и Жарковой.

6 октября 1949 г. Киевский областной суд отменил решение народного суда и дело возвратил на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении этого дела народный суд 3-го участка Ленинского района г. Киева 17 ноября 1949 г. решил: выселить Черкасскую А. Л. из комнаты площадью 18 кв. м в кв. № 8 дома № 33 по Мало-Васильковской улице со всеми лицами, совместно с ней проживающими, причем суд обязал райжилуправление Ленинского района г. Киева предоставить Черкасской и Наконечному жилую площадь, а

спорную комнату предоставить в распоряжение Колтун и открыть лицевой счет на ее имя.

12 декабря 1949 г. Киевский областной суд решение народного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда УССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 3 марта 1950 г. отменила решение народного суда и определение областного суда и передала дело на новое рассмотрение.

Киевский областной суд, рассматривая это дело по первой инстанции 24—26 мая 1950 г., решил: в иске Колтун о выселении Наконечной (Черкасской) А. Л. и Наконечно-го Ф. П. отказать за необоснованностью иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 24 июня 1950 г. решение областного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Областной суд отказал в иске Колтун Марии по тем мотивам, что истица в силу п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 ноября 1942 г. и ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. утратила право на спорную жилплощадь за пропуском срока исковой давности и вследствие того, что с момента освобождения г. Киева от немецких оккупантов, т. е. с ноября 1943 г. по 1949 г., никакой заботы об этой площади не проявляла и квартирную плату не уплачивала.

Приведенные мотивы областного суда являются неправильными, так как неплатеж квартирной платы в срок и отсутствие съемщика из помещения свыше шести месяцев не влечет за собой автоматически утраты съемщиком права на жилплощадь, а может быть лишь основанием для предъявления в судебном порядке иска о расторжении договора жилищного найма.

Разрешение же такого иска в каждом отдельном случае будет зависеть от того, чем вызваны неплатеж квартплаты и непроживание съемщика, и в случае установления судом уважительности причин суд вправе отказать в расторжении договора найма.

Обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о том, что неплатеж квартирной платы и несвоевременное возвращение истицы на прежнее местожительство вызваны уважительными причинами и это ей не может быть вменено в вину.

Указание суда на то, что сестра истицы и ее тетка также не платили за квартиру и что по возвращении из эвакуации они не предъявляли иска о выселении Черкасской, — нельзя признать правильным.

Скляревская не являлась членом семьи Колтун, а равно не была и опекуном над детьми Колтун, поэтому каково бы ни было поведение Скляревской в отношении квартиры Колтун, оно для разрешения настоящего дела не имеет значения.

Действие или бездействие сестры истицы в отношении спорной квартиры также не должно отразиться на правах истицы на эту квартиру, так как обе сестры были несовершеннолетними, друг о друге ничего не знали, и истица по достижении совершеннолетия вправе была предъявить свои требования о возвращении ей жилплощади, в которой она проживала до эвакуации. Поэтому выводы суда о необоснованности исковых требований Колтун Марии следует признать неправильными.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда УССР от 3 марта 1950 г. и все последующие судебные решения и определения и оставить в силе решение народного суда 3-го участка Ленинского района г. Киева от 17 ноября 1949 г. и определение Киевского областного суда от 12 декабря 1949 г.

9. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ СЕМЕЙНОГО ПРАВА К ИСКУ УСЫНОВИТЕЛЯ ОБ ИСТРЕБОВАНИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ УСЫНОВЛЕННОГО СУММ, ПРИСУЖДЕННЫХ В ПОРЯДКЕ ст. 409 ГК УССР НА СОДЕРЖАНИЕ УСЫНОВЛЕННОГО С ЛИЦА, ПРИЧИНИВШЕГО ВРЕД

*Определение по делу № 36/519 по иску Ивановой А. Н.
к Ивановой З. В. о взыскании средств на содержание ребенка*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 23 мая 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 4-го участка г. Николаева и определения Николаевского областного суда и Верховного суда УССР по иску Ивановой А. Н. к Ивановой З. В. о взыскании средств на содержание ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

По решению народного суда 1-го участка г. Николаева с завода на содержание троих несовершеннолетних детей, отец которых погиб на заводе, присуждено по 260 руб. ежемесячно. Средства эти получала мать детей, жена погибшего, Иванова З. В.

В 1949 году одного из детей — Иванову Александру, рождения 25 марта 1940 г., усыновила Иванова Анна Николаевна. В связи с этим она обратилась в суд с иском о взыскании с Ивановой Зои Васильевны $\frac{1}{3}$ получаемых ею с завода платежей. Решением народного суда 4-го участка г. Николаева от 17 ноября 1949 г. в иске Ивановой А. Н. к Ивановой З. В. отказано.

Определением Николаевского областного суда от 25 января 1950 г. это решение оставлено в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 26 октября 1950 г. протест Прокурора УССР отклонила, оставив в силе решение народного суда и определение областного суда.

Протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Свое решение об отказе в иске суд мотивировал тем, что Ивановой А. Н. усыновила ребенка Ивано-

вой З. В., поэтому в соответствии со ст. 43 КЗоБСО УССР она не вправе требовать от матери ребенка средств на его содержание.

Такие мотивы суда были бы правильными в том случае, если бы усыновитель требовал взыскания средств на содержание усыновленного им ребенка от родителей этого ребенка.

Однако в данном случае речь идет не об этом.

Народный суд 1-го участка г. Николаева присудил с завода на содержание троих детей по 260 руб. ежемесячно. Так как все трое детей в то время находились на воспитании у Ивановой З. В., то вся эта сумма полностью и получалась ею, как матерью этих детей.

Поскольку впоследствии один ребенок был усыновлен Ивановой А. Н., то последняя, как усыновитель ребенка, вправе требовать, чтобы соответствующая часть присужденной с завода суммы выдавалась ей. Таким образом, ссылка суда на ст. 43 КЗоБСО в данном случае является неправильной, так как спор идет не о взыскании средств на содержание ребенка с его матери, а о взыскании той части платежей, которые присуждены с завода на содержание детей.

По изложенным основаниям решение народного суда, определения областного суда и Верховного суда УССР подлежат отмене.

При новом рассмотрении дела суду следует приобщить к настоящему делу дело по иску Ивановой З. В. к заводу, привлечь этот завод к участию в деле в качестве соответчика в порядке ст. 186 ГПК УССР и взыскать с завода в пользу Ивановой А. Н. ту часть платежей, которая причитается на одного ребенка,

а остальные две части платежей взыскать в пользу Ивановой З. В., на воспитании которой остались двое детей.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: Решение народного суда 4-го

участка г. Николаева от 17 ноября 1949 г., определение Николаевского областного суда от 25 января 1950 г. и определение Верховного суда УССР от 26 октября 1950 г. отменить, дело возвратить в народный суд на новое рассмотрение в ином составе судей с участием прокурора.

10. РУКОПИСЬ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ПРИНЯТОЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ОТ АВТОРА, ЕСЛИ СДАЧА РУКОПИСИ ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПРОИЗВЕДЕНА АВТОРОМ В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ДОГОВОРОМ

Определение по делу № 36/448 по иску научно-исследовательского института к Славину о взыскании 1101 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 9 мая 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Киевского областного суда от 11 октября 1950 г. и на определение Верховного суда УССР от 12 декабря 1950 г. по иску научно-исследовательского института к Славину о взыскании 1101 руб.

Судебная коллегия находит:

В 1948 году научно-исследовательский институт предъявил в народном суде иск к Славину о взыскании с него 1101 руб., выплаченных авансом по издательскому договору, ввиду того, что издательский договор с автором расторгнут, так как автор, ответчик по делу, к обусловленному сроку рукопись не представил.

Славин в свою очередь предъявил к институту встречный иск о взыскании 4100 руб. авторского гонорара, ссылаясь на то, что рукопись, по поводу издания которой был заключен с институтом договор, была сдана ответственному редактору проф. Броду, а обусловленный издательским договором гонорар Славину институтом выплачен не был.

Народный суд 1-го участка Молотовского района г. Киева 28 апреля 1948 г. постановил взыскать со Славина в пользу института 1101 руб., а в иске Славину к институту отказал. После этого решения дело несколько раз рассматривалось в суде, и решением Киевского областного суда от 11 октября 1950 г. постанов-

лено в иске институту к Славину отказать, а встречный иск Славина о взыскании с института 4100 руб. удовлетворить.

Это решение Киевского областного суда было оставлено в силе Верховным судом УССР 12 декабря 1950 г.

Соглашаясь с протестом, Коллегия считает, что решение Киевского областного суда от 11 октября 1950 г. и определение Верховного суда УССР от 12 декабря 1950 г. подлежат отмене по следующим основаниям:

Постановляя решение об удовлетворении иска Славина о взыскании с института 4100 руб. авторского гонорара и об отказе в иске институту о взыскании со Славина 1101 руб., полученных при подписании договора, Киевский областной суд ссылается на то, что рукопись была принята от автора и одобрена издательством и, следовательно, издательство обязано уплатить автору условленный гонорар.

В качестве доказательства о принятии рукописи от автора и ее одобрения издательством в решении суда сделана ссылка на телеграмму проф. Брода, из текста которой следует, что работа, выполненная Славиним, была получена 1 февраля 1948 г., удовлетворяет требованиям опубликования и находится на рецензии.

Однако из дела видно, что издательство не уполномочивало проф. Брода, являющегося внештатным ре-

дактором «Бюллетеня ВИЭИ» и не имевшего отношения к изданию издательством брошюр, на прием от автора Славина его рукописи и на рецензирование этой работы. Это обстоятельство подтверждено проф. Бродом в его письме на имя директора института, в котором он сообщил, что поручения на рецензирование рукописи автора от института он не имел и его отношения со Славиним носили частный характер.

После того как Брод не договорился с другими издательствами об издании работы Славина, рукопись была профессором Бродом возвращена обратно.

Таким образом, из материалов дела вытекает, что Славин никогда рукописи институту не сдал и в силу этого издательство не могло вообще проверить, пригодна ли была она для издания.

В связи с тем, что в обусловленный договором срок и после истечения этого срока рукопись заказчику сдана не была, договор с автором был правомерно расторгнут.

В этом случае институт в соответствии с п. 10 издательского договора имеет право взыскать с автора выданные ему авансом деньги, а требования автора об оплате ему полностью авторского гонорара не основаны на законе.

При этих обстоятельствах дела решение народного суда 1-го участка Молотовского района г. Киева от 28 апреля 1948 г., согласно которому удовлетворен иск института к Славину и отказано в иске Славина к институту о взыскании авторского гонорара, соответствует собранным по делу доказательствам, а все последующие решения и определения подлежат отмене.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 1-го участка Молотовского района г. Киева от 28 апреля 1948 г. оставить в силе, отменив все последующие судебные решения и определения по данному делу.

11. В ДЕЛАХ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВА ИЗ ОПИСИ СУД ОБЯЗАН ТЩАТЕЛЬНО ПРОВЕРИТЬ ПРАВО ИСТЦА НА ОТЫСКИВАЕМОЕ ИСТЦОМ ИМУЩЕСТВО

Определение по делу № 36/503 по иску Тришкина об исключении из описи имущества

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 мая 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 10 марта 1950 г. по иску Тришкина об исключении из описи имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В связи с привлечением к уголовной ответственности Тришкиных Василия и Алексея была произведена опись имущества. В мае 1947 года Тришкины были осуждены по закону от 7 августа 1932 г., с конфискацией лично принадлежащего им имущества и возмещением ущерба, причи-

ненного их преступными действиями конторе буфетов и ресторанов Юго-Восточной ж. д.

Отец осужденных Тришкин М. М. в 1948 году обратился в суд с заявлением об исключении из описи имущества, в том числе дома, ссылаясь на то, что описанное имущество принадлежит ему.

В период рассмотрения дела об исключении имущества Тришкин М. М. также был осужден по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Тогда в дело об исключении имущества из описи вступила жена Тришкина М. М. — Тришкина Мария Васильевна с теми же исковыми требованиями.

Решением Саратовского областного суда от 10 марта 1950 г. иск удовлетворен, исключены из описи дом и другое имущество, как принадлежащие Тришкиным Михаилу Михайловичу и Марии Васильевне.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения Саратовского областного суда от 10 марта 1950 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В нарушение постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи» дело рассмотрено в отсутствие представителя финансовых органов и представителя гражданского истца — конторы буфетов и ресторанов Юго-Восточной ж. д.

Суд признал описанное имущество собственностью Тришкина Михаила Михайловича и Тришкиной Марии Васильевны без достаточных к тому оснований.

Из имеющихся в деле документов видно, что на момент описи имущества дом был зарегистрирован в органах горкомхоза на имя Тришкина

Василия и Тришкина Алексея и что Тришкин Михаил Михайлович незаконно переоформил дом на свое имя в органах коммунального хозяйства.

Исключая из описи имущества дом, суд не учел также, что Тришкин Михаил Михайлович осужден по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственной и общественной собственности», поэтому если бы даже дом принадлежал ему, то и в этом случае суд не мог исключить его из описи, не выяснив, осужден ли Тришкин М. М. с конфискацией имущества или без конфискации.

На основании изложенного и соглашаясь с доводами протеста Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 10 марта 1950 г. и все предыдущие судебные решения и определения по данному делу отменить и дело направить на рассмотрение в Саратовский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

12. ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЛО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕКРАЩЕНО ПРОИЗВОДСТВОМ ЗА НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

*Определение по делу № 36/432 по иску
к Управлению Закавказской ж. д. о взыскании 3509 р. 28 к.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 9 мая 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда 7-го участка Сталинского района г. Тбилиси от 12 декабря 1949 г. и на определение Верховного суда Грузинской ССР от 25 апреля 1950 г. по иску к Управлению Закавказской ж. д. о взыскании 3509 р. 28 к.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Истец предъявил в суде иск к Управлению Закавказской ж. д. о взыскании 3509 руб. за недостачу и порчу груза, следовавшего по железнодорожной накладной за № 789198.

Определением народного суда 7-го участка Сталинского района г. Тбилиси от 12 декабря 1949 г. производство по этому делу прекращено по тем мотивам, что истец не представил внутрискладской акт приема груза по спорной отправке.

Частная жалоба истца на определение народного суда о прекращении производства по делу Верховным судом Грузинской ССР 25 апреля 1950 г. оставлена без удовлетворения.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что определения народного суда и Верховного суда Грузинской ССР

подлежат отмене по следующим основаниям:

Приняв это дело к своему производству, суд должен был рассмотреть дело по существу, а не прекращать по нему производство, тем более, что прекращение производства по делу за недостаточностью доказательств Гражданским процессуальным кодексом Грузинской ССР не предусмотрено.

В соответствии со ст. 113 ГПК Грузинской ССР суд вправе был по указанным основаниям отложить рассмотрение дела и истребовать от сторон недостающие доказательства, после чего и разрешить спор по существу с вынесением по делу решения.

Вместе с этим следует признать, что требования суда к истцу о предоставлении акта внутрискладской приемки груза по спорной отправке являются правильными, поскольку из имеющегося в деле коммерческого акта, составленного при выдаче груза, усматривается, что были выявлены и излишки груза против количества, указанного в накладной, а именно: по перевозочным документам значилось отправленными 475 мест общим весом 11 174 кг, тогда как на станцию назначения

было доставлено 490 мест весом 13 236 кг.

Кроме того, поскольку груз истцу выдавался со склада железной дороги, следовало истребовать от последней коммерческий акт, составленный при выгрузке груза из вагона, и сопоставить данные этого акта о состоянии и количестве груза по спорной отправке с данными, установленными при выдаче.

В целях всестороннего выяснения условий перевозки груза и других обстоятельств дела признать необходимым привлечение к делу отправителя, участие которого может дать возможность проверить, надлежащим ли образом была оформлена отправка груза с его склада и как произведены расчеты с получателем за излишки груза против транспортных документов.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам определила:

Определение народного суда 7-го участка Сталинского района г. Тбилиси от 12 декабря 1949 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 25 апреля 1950 г. отменить и дело для рассмотрения по существу передать по первой инстанции в Верховный суд Грузинской ССР с участием прокурора.

**13. ВОЗМЕЩЕНИЕ РАСХОДОВ ПО ВОЗНАГРАЖДЕНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
СОГЛАСНО ПРИМЕЧАНИЮ 1 к ст. 46 ГПК РСФСР
ДОЛЖНО ПРИСУЖДАТЬСЯ СТОРОНЕ, В ПОЛЬЗУ КОТОРОЙ РАЗРЕШЕНО
ДЕЛО, А НЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ЛИЦУ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕМУ
ЕЕ ИНТЕРЕСЫ**

*Определение по делу № 36/254 по иску колхоза «Комсомолец»
к заводу о взыскании 153 300 руб.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 14 марта 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 4-го участка Калининского района г. Ленинграда от 2 марта 1950 г., определение Ленинградского городского суда от 29 марта 1950 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 19 августа 1950 г. по иску колхоза «Комсомолец» к за-

воду о взыскании 153 300 руб. в возмещение стоимости древесины.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Рассмотрев дело по иску колхоза «Комсомолец» к заводу о взыскании 153 300 руб. в возмещение стоимости поставленной древесины, народный суд 4-го участка Калининского района г. Ленинграда 2 марта 1950 г. постановил взыскать с эксплуатационных средств завода в

пользу колхоза «Комсомолец» 91 936 р. 70 к. и судебных издержек 919 руб. Этим же решением в пользу Лобанской юридической консультации с завода постановлено взыскать 4000 руб. в порядке вознаграждения представителя. Ленинградский городской суд 29 марта 1950 г. решение народного суда оставил в силе.

Верховный суд РСФСР определенным от 19 августа 1950 г. решение народного суда и определение Ленинградского городского суда оставил в силе с изменением, постановив уменьшить присужденную в пользу истца сумму до 45 968 р. 35 к. и судебные издержки до 459 р. 50 к. В остальной же части, т. е. в части взыскания в пользу Лобанской юридической консультации 4000 руб., решение народного суда и определение Ленинградского городского суда Верховным судом РСФСР оставлено в силе.

Протест принесен на предмет изменения решения народного суда и последующих определений в части взыскания с завода 4000 руб. в пользу юридической консультации.

Обсудив протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия считает, что решение народного суда о взыскании вознаграждения на представителя в сумме 4000 руб. в пользу Лобанской юридической консультации является неправильным.

В силу примечания 1 к ст. 46 ГПК РСФСР сторона, выигравшая дело,

сверх внесенной единой государственной пошлины, имеет право на возмещение расходов по вознаграждению своего представителя, если таковой в деле участвовал, в размере 5% той части иска, в отношении которой решение состоялось в ее пользу.

Из этого следует, что суд обязан был расходы по вознаграждению представителя взыскать в пользу стороны, т. е. колхоза «Комсомолец», а не в пользу юридической консультации.

5% присужденной в пользу колхоза «Комсомолец» суммы (45 968 р. 35 к.) выражаются в сумме 2298 руб. и эту сумму следовало взыскать в пользу колхоза. Верховный суд РСФСР, изменяя решение народного суда и определение Ленинградского городского суда, этого обстоятельства не учел.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 4-го участка Калининского района г. Ленинграда от 2 марта 1950 г., определение Ленинградского городского суда от 29 марта 1950 г., а также определение Верховного суда РСФСР от 19 августа 1950 г. в части взыскания вознаграждения на представителя изменить. Установить, что с завода в пользу колхоза «Комсомолец» расходы по вознаграждению представителя следует взыскать в сумме 2298 руб.

14. ВОЗМЕЩЕНИЕ РАСХОДОВ ПО ВОЗНАГРАЖДЕНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТОРОНЫ, В ПОЛЬЗУ КОТОРОЙ РАЗРЕШЕНО ДЕЛО (примечание 1 к ст. 46 ГПК РСФСР), НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВОЗЛОЖЕНО НА ИСТЦОВ ПО ВЗЫСКАНИЮ АВТОРСКОГО ГОНОРАРА

Определение по делу № 36/515 по иску Эстонского отделения Всесоюзного управления по охране авторских прав к Эстонскому государственному издательству о взыскании авторского гонорара

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 мая 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение на-

родного суда 1-го участка Центрального района г. Таллина от 27 февраля 1950 г. и на определение Верховного суда Эстонской ССР от 31 мая 1950 г. по иску Эстонского

отделения Всесоюзного управления по охране авторских прав к Эстонскому государственному издательству о взыскании авторского гонорара в пользу наследников Троицкого З. Л.

Из материалов дела видно, что между издательством и Троицким З. Л. 11 июля 1945 г. был заключен договор на издание произведения под названием «История эстонского театра» на эстонском и русском языках. Рукопись произведения была сдана, и автору был выплачен авторский гонорар за первое и второе издание произведения в размере 60% причитающегося вознаграждения, но в феврале 1947 года автор Троицкий З. Л. умер, труд его издан не был, а затем в связи с истечением срока для издания произведения от имени наследников было заявлено требование о выплате 40% авторского гонорара.

Народный суд 1-го участка Центрального района г. Таллина, рассмотрев дело 27 февраля 1950 г., признал, что у наследников умершего Троицкого З. Л. отсутствует право на получение авторского гонорара, так как рукопись произведения была представлена в незаконченном виде. На этом основании суд в иске Управлению по охране авторских прав отказал, взыскав с указанного Управления в пользу издательства 2000 руб. в возмещение расходов по вознаграждению представителя ответчика.

Определением Верховного суда Эстонской ССР от 31 мая 1950 г. решение народного суда оставлено в силе без изменений.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верхов-

ного суда Эстонской ССР в части взыскания в пользу ответчика 2000 руб. в возмещение расходов по вознаграждению представителя подлежит удовлетворению.

Эстонское отделение Всесоюзного управления по охране авторских прав, предъявляя иск и поддерживая иски по этому делу, выступало в качестве представителя наследников умершего автора Троицкого З. Л., а потому суд не вправе был возлагать на указанное Управление обязанность возмещать издательству расходы по вознаграждению представителя, а равно и другие расходы по делу, присуждение которых предусмотрено ст. 46 ГПК и примечаниями к ней.

Кроме того, следует отметить, что в силу ст. 43 ГПК пошлина и расходы по производству дела не взыскиваются с истцов по взысканию вознаграждения, вытекающего из авторского права, а потому судебные расходы по делу не могли быть взысканы и с наследников Троицких, интересы которых представляло Управление по охране авторских прав.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда определила:

Решение народного суда 1-го участка Центрального района г. Таллина от 27 февраля 1950 г. и определение Верховного суда Эстонской ССР от 31 мая 1950 г. о взыскании с Управления по охране авторских прав в пользу Эстонского государственного издательства 2000 руб. отменить и в удовлетворении требований издательства о возмещении ему расходов по вознаграждению участвовавшего в деле представителя отказать.

15. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СУДОМ ДЕЛА О ПРИЗНАНИИ ЛИЦА УМЕРШИМ

*Определение по делу № 36/328
о признании гр-на Надельсона А. Ш. умершим*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР

рассмотрела в заседании 4 апреля 1951 г. протест Председателя Вер-

ховного суда СССР на определение Верховного суда БССР от 27 сентября 1949 г. по заявлению Надельсона И. А. о признании умершим Надельсона А. Ш.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В 1948 году Надельсон И. А. обратился в народный суд с заявлением о признании его отца, Надельсона А. Ш., безвестно отсутствующим.

Народный суд г. Слуцка определением от 17 декабря 1948 г. постановил: «Признать факт безвестного отсутствия Надельсона А. Ш., 1881 года рождения, погибшего в г. Слуцке во время немецкой оккупации территории БССР».

В августе 1949 года Надельсон И. А. обратился в суд с заявлением о признании гр-на Надельсона А. Ш. умершим.

Народный суд г. Слуцка определением от 8 августа 1949 г. признал Надельсона А. Ш. умершим.

Верховный суд БССР 27 сентября 1949 г. постановил исключить из резолютивной части определения народного суда г. Слуцка от 17 декабря 1949 г. слова о том, что Надельсон А. Ш. погиб в г. Слуцке во время немецкой оккупации территории БССР, а определение народного суда г. Слуцка от 8 августа 1949 г. отменил и дело об установлении факта смерти Надельсона А. Ш. производством прекратил.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия считает, что определение Верховного суда БССР от 27 сентября 1949 г. в части отмены определения народного суда г. Слуцка от 8 августа 1949 г. является неправильным и подлежит отмене по следующим основаниям:

Прекращая производство по делу о признании умершим Надельсона А. Ш., Верховный суд БССР сослался на то, что народный суд при-

нял заявление об установлении этого факта до истечения пятилетнего срока со дня признания Надельсона А. Ш. безвестно отсутствующим.

В качестве оснований для прекращения дела производством Верховный суд БССР указал на ст. 12 ГК БССР.

Ссылка в определении на преждевременность обращения в суд с заявлением о признании Надельсона А. Ш. умершим является ошибочной.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 10 января 1945 г. к ст. 12 ГК БССР внесено дополнение.

Статья 12 ГК БССР в новой редакции предусматривает, что лицо, которое признано безвестно отсутствующим, может быть объявлено умершим, если со дня публикации о признании его безвестно отсутствующим прошло пять лет или шесть месяцев со дня удостоверения военным ведомством безвестной пропажи его во время военных действий или со дня несчастного случая при наличии обстоятельств, дающих основание предполагать гибель его от этого несчастного случая.

Поскольку свидетельскими показаниями подтверждаются обстоятельства, дающие основание считать Надельсона А. Ш. погибшим во время немецкой оккупации территории БССР, народный суд в силу ст. 12 ГК БССР мог установить этот факт по истечении шести месяцев после признания Надельсона А. Ш. безвестно отсутствующим.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда БССР от 27 сентября 1949 г. в части отмены определения народного суда г. Слуцка от 8 августа 1949 г. отменить и указанное определение народного суда оставить в силе.

**16. РАЗЪЯСНЕНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ
МОЖЕТ БЫТЬ ПРОИЗВЕДЕНО ЛИШЬ СУДОМ, КОТОРЫМ РЕШЕНО ДЕЛО,
А НЕ ЕДИНОЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИМ ПО ДЕЛУ**

Определение по делу № 36/411 по иску Жоржолиани к Пественидзе

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 28 апреля 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Верховного суда Грузинской ССР и разъяснение члена Верховного суда Грузинской ССР по иску Жоржолиани к Пественидзе о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Верховный суд Грузинской ССР вынес решение об отказе в иске гр-ну Жоржолиани Отару к Пественидзе-Жоржолиани Норе о расторжении брака и постановил вселить ответчицу Пественидзе-Жоржолиани с ребенком в дом, занимаемый семьей Жоржолиани, предоставив ответчице с ребенком одну переднюю комнату в доме, но не указав, кому принадлежит этот дом.

Позднее член Верховного суда Грузинской ССР единолично разъяснил решение Верховного суда Грузинской ССР в том смысле, что ответчица должна быть вселена в переднюю комнату дома родителей Жоржолиани Отара, а Жоржолиани Отар из этой комнаты должен быть выселен.

Протест Генерального Прокурора СССР в части отмены решения Верховного суда Грузинской ССР и постановления члена Верховного суда о вселении Пественидзе-Жоржолиани в дом Жоржолиани подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

При разрешении спора о жилплощади между супругами Верховный суд Грузинской ССР не выяснил основной вопрос — какую жилплощадь и в каком именно доме занимала ответчица с мужем при совместной жизни и, следовательно,

на какую жилплощадь она имеет право.

Из имеющихся в деле данных усматривается, что Жоржолиани, ответчик, являясь членом сельскохозяйственного двора, из хозяйства своего отца был выделен 6 октября 1946 г. и что на его долю был выделен дом, состоящий из одной комнаты, где ответчица и проживала с истцом при совместной жизни.

При таком положении, если это подтвердится, ответчица должна быть вселена на ту жилплощадь, на которой она проживала вместе с мужем, т. е. суд должен восстановить ее право на жилплощадь, если оно нарушено.

Кроме изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отмечает, что единоличное разъяснение членом Верховного суда Грузинской ССР судебного решения, вынесенного по этому делу, противоречит Закону о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и требованиям ст. 188 Гражданского процессуального кодекса Грузинской ССР, в силу которых разъяснение и толкование решения может быть произведено лишь судом, которым решено дело, а не единолично председательствующим по делу.

Соглашаясь с протестом Генерального прокурора СССР, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Грузинской ССР в части вселения Пественидзе-Жоржолиани в дом Жоржолиани и разъяснение члена Верховного суда отменить и дело в этой части передать на новое рассмотрение в тот же суд.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	1
Определения коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам	6
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	28

№050421

ЮФ СПбГУ

Редактор **А. А. ВОЛИН**

Издатель: Государственное издательство юридической литературы,
Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67.

А05374 Сдано в произв. 15/VIII 1951 г. Подписано к печати 13/IX 1951 г.
Уч.-изд. л. 4,20 Бумага 70 × 108¹/₁₆ = 1,5 бум. л. 4,11 печ. л.
Зак. 531. Тираж 34700. Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор **Е. Н. Косарева**

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
Москва, Гарднеровский пер., 1а.